

Екатерина БОБРОВА

СОВЁНОК
Стихийница

Екатерина Боброва

Стихийница. Совенок 7

<https://litres.ru/73595206>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обещанный роман про Олю. Будем переживать, смеяться, верить в лучшее и отдыхать душой. Короче, как всегда.

Екатерина Боброва

Стихийница. Совенок 7

ГЛАВА 1

Из отчета комиссии.

«Пробойю пространства на территории академии необходимо присвоить восьмую категорию (Справка: всего категорий порталов десять. Девятый и десятый отличаются массой, проводимой сквозь них грузов и стационарностью). Легкость, с какой был взломан защитный периметр академии, позволяет сделать вывод о том, что гость имеет уровень архимага. Внешний вид: рваные тряпки, небрежно намотанные на тело и голову, а также оставшиеся в воздухе частицы паров алкоголя, позволяет высказать догадку – архимаг был пьян.

Пробой произошел на мосту. Сработавшая защита образовала взрывную волну, отправившую двух из трех безмолвных в воду. Третьему удалось зацепиться за перила и повиснуть на них, но оглушение не дало ему вмешаться и вытащить девочку. Ее высочество была ближе к эпицентру, ее не зацепило, фактически притянув к гостю, который пробыв на территории академии примерно семь секунд».

В этом моменте доклада Фильярж всегда останавливался, чтобы перевести дыхание и отпугнуть страшную кар-

тину, как сила портала сминает его девочку, превращая в грудку мяса. Не зря межмировые порталы находились лишь в фиксированных местах. Потому как сила пробоя извне в разы больше, чем у обычного пространственного портала.

Этот же... урод. Даже не заметил, что рядом живой человек, тут же открыв еще один портал. В какой именно город безмолвный понять не смог: дома и дома.

Портал затянул Ольгу, стоявшую слишком близко и красноглаза, сидевшего у нее на руках. В итоге у них ни единой зацепки, где ее искать. Пьянь лишь промышал что-то неразборчивое перед тем, как отбыть.

Фильярг сложил лист доклада, который давно выучил наизусть, убрал в карман. Внутри пекло от жгучей ненависти ко всем архимагам. Доживут до трехсот лет, а потом либо спиваются, либо с ума сходят от вседозволенности. Нет, чтобы сдохнуть и не портить жизнь остальным. Цивилизации спасало от крушения лишь одно: архимагов было крайне мало. Иначе всех положили бы высшие адепты магии.

И вот с таким типом сейчас его дочь, которой восемнадцать исполнилось. Дитя еще. Пусть и талантливое...

Фильярг в тысячный раз пообещал себе, что ее найдет. Перероем все миры, но найдет. И начнет с пьяного архимага.

– Мэтр! Мэтр! Просыпайтесь! Вот же... выкидыш слизняка. Вчера опять перебрал.

Голос помощника с трудом пробивался сквозь сон, и магистр Герхан недовольно всхрипнул, повернулся на другой бок с желанием вернуться в страну сновидений.

– Мэтр! – в голосе помощника зазвенела паника. – Там пришли. Трое. Слышите, как барабанят? Сейчас дверь вышибать начнут, а денег на новую нет.

Фраза «денег нет» оказала волшебное воздействие на магистра, ибо последнее время нужда повисла на плечах, заставляя урезать расходы на самое необходимое: выпивку, а с этим невозможно было смириться.

Герхан всхрипнул в последний раз, прощаясь со сладким сном. Повернулся на спину и мрачно уставился в потолок. Времена нынче настали... И количество глупости вокруг росло пропорционально прожитым годам. Даже если внешне человек выглядел достойно, стоило пообщаться с ним, как он оказывался полным идиотом или отъявленным мерзавцем.

Герхан не понимал, почему мир вдруг разделился на две категории: идиоты и мерзавцы. Причем первые были самыми многочисленными. Дебилы – наимогущественнейшая организация в мире. И это бесило настолько... что трезвым смотреть в окно он не решался, боясь, что его затянет всеобщий дебилизм и однажды утром он начнет заниматься чем-то вроде вязания ковриков, подготовки пирожков или чтения местных газет. А ведь когда-то...

Тут магистр не без удовольствия погружался в те време-

на, когда героям было место. Когда перед ним преклонялись. Когда ему были открыты любые двери. И к нему не приходили местные дамочки с приглашением на вечер поэзии или заседание местного комитета – как будто он настолько стар, что годится лишь для болтовни.

От одной картины: три облачка кружев в шляпках, держащие в руках корзинки, накрытые вышитыми полотенцами, хотелось выть. Помощник, помнится, долго сокрушался по растоптанным им в бешенстве пирожкам... Идиот! Герои не нуждаются в подачках.

Магистр сглотнул, ощущая, как внутри зреет потребность запить кислое воспоминание чем-нибудь достойным. Например, грейским выдержанным. Впрочем, даже грейское уже не то. Или помощник – прохвост – его разбавляет. Мрачности в настроении прибавилось.

– Мэтр! – поторопил его Халь, пробормотав в сторону: – Только не нос. Уши хоть прикрыть можно.

Трус, – с мрачным удовлетворением подумал магистр. Такой в битве сразу бы в штаны наложил. Помнится учениками, они какими только не ходили, получив наказание от мастера. И в шерсти, и синими, еще и чешась по страшному. Гордились даже. Наказанием. Не то что нынешние ученички... Чуть что – вопят о правах. А какие права у подмастерья? Ни одного. Их истина – учитель, потребность – желания наставника. Герхан даже не стал вспоминать о том, когда сбежал последний из учеников... Давно. Но бежал знатно с

подпаленным задом, оставляя чудное чадающее облако. Еще и визжал как свинья.

– Они уже мечами дверь выламывают, – встрепнулся в ужасе помощник. Протянул руку, потрясти мэтра за плечо, но опомнился, так и завис с протянутой рукой.

– Мечами? – проскрипел магистр, медленно возвращаясь к жизни. Никак мерзавцы пожаловали... . Внутри проснулся интерес. Так-то он много раз обещал не применять силу к мирным гражданам без разрешения магконтроля, но если у гостей мечи... они вроде как и не мирные уже.

Он медленно сел, стараясь не тревожить отозвавшуюся болезненной пустотой голову. Запустил очищающее заклинание, пережидая неприятный приступ тошноты.

Сознание мерзко прояснялось, пинком напомним, что на столе скопились неоплаченные счета, что помощник давно грозит уйти, а еды в доме... И сразу захотелось снова нырнуть в пьяный дурман, где он все тот же: молодой, сильный, а главное – всеми уважаемый магистр. Архимаг звучит гордо, только сейчас кроме его личной гордости в нем ничего не осталось. Соседи давно за спиной называют пьянчужой или сбрендившим стариком.

Назойливый стук рушил строй мыслей, и Герхан ощутил прилив бодрящего раздражения. Встал, щелкнул пальцем, приводя взлохмаченную шевелюру в идеально-запутенную косу. Борода белой волной легла на грудь. Теперь иллюзию на грязное белье.

Глянул на себя в зеркало – благообразный старик в парчовом халате, подпоясанный витым поясом. Огладил бороду. В таком виде можно и негодьям шеи сворачивать.

– Мэтр! – догнал его на пороге страдальческий стон помощника. – Ноги.

Герхан досадливо – проклятый склероз – щелкнул пальцами, накладывая иллюзию туфель на босые ступни.

– Халь! Дурной мальчишка! Где ты застрял? – крик покатился по ступеням лестницы, уперся в дверь и стук прекратился.

За спиной обиженно засопел помощник. В холле он ускорился, обогнул мэтра, распахнул дверь и пропел злорадно:

– Что нужно господам?

И посторонился, уходя с линии атаки. Опытный.

Их действительно было трое. Мечи они успели вернуть в ножны, но лица от этого менее угрожающими не стали. Здоровые. Прямо гиганты. Одеты странно. Серые волосы. И желтые... прямо до безобразия желтые глаза, отдающие чем-то птичьим и ощупывающие его лицо внимательными взглядами.

Чужаки... На виске у каждого по ментальному камню-переводчику.

Герхам даже воздух втянул, проверяя свои ощущения. Стихийники! Он не ошибся.

Стихийники здесь? В Фаттаре? Куда катится мир? Впрочем, известно, куда он катится. В бездну полную жутких ме-

ханизмов, отравляющих воду и воздух. Эти идиоты прикрываются тем, что механизмы создаются, дабы служить людям, когда на самом деле это люди служат им.

– Нам нужно видеть Герхана Исполинского.

Впервые магистр ощутил неудобность собственного имени. А ведь раньше гордился, н-да... Просто когда его проносит такой вот верзила, в его словах обязательно чудится насмешка... Не будешь же объяснять, что Исполинский – это по двум обрушенным горным исполинам, перекрывшим проход воды в долину. Да и давно это было... И дамбу ту грозятся уже разобрать, мол наводнений сто лет как ни случилось, а экология-то нарушается... Дебилы.

– Я Герхан. Что вам нужно?

Голос скрипел и требовал смазки. Маг откашлялся, в мыслях желая убраться гостям восвояси.

– Меня зовут Фильярг Соваш Ангальский, Четвертый принц королевства Асмас.

Чутье не обмануло. Стихийное высочество? Еще и огневик. На ум приходил лишь один мир, где стихии были столь сильны, что вытеснили другие виды магии – Шайрат.

Однако, какая мощь! Исследовать бы, – проснулся интерес, но Герхан тут же одернул себя. Зачем? Кому нужны его исследования? Дебилам? Им лишь бы пожрать вкуснее, да одеться наряднее.

– Я ищу свою дочь, – на ладони мужчины замерцал магазинчик девочки лет двадцати. Симпатичная. Темные воло-

сы. Какая-то униформа. Школьная? Очередная любительница нарядов. В голове только ветер и насмешки.

– Вы не узнаете ее?

Герхан моргнул, глянул оскорбленно. Он? И девочка?

– Я уже давно не беру учеников, – пробурчал, отступая, чтобы захлопнуть дверь.

На лице принца отобразилось мученическое терпение.

– Ее похитили. Случайно. Три недели назад. Какой-то мужчина открыл портал на территории академии, пробив защиту. Мою дочь затянуло с ним. Я обошел всех архимагов, которых смог найти. Вы пятый.

Когда тебя называют пятым, невольно чувствуешь себя лишенным уникальности. Но взгляд отца, потерявшего дитя, заставил Герхана забыть об обиде... Он тоже терял дорогих людей в жизни.

– Поиск по крови?

– Не сработал. Ее прикрыли.

Кривая усмешка... Многозначительная такая... Похоже, стихии в игре. Есть у них такая отвратительная черта играть людьми. Из-за этого Герхан избегал подобные миры. Пешкой он быть не любил.

Архимаг заставил себя взглянуть в снимок. Обычный ребенок. Разве что глаза...

– Нет, не видел. Мне жаль, – расщедрился он на сочувствие, ощущая, как внутри поднимается злость на гостя. Если бы у него была дочь... Он никогда бы ее не потерял.

А теперь? Искать бесполезно. Похоже, стихии вышвырнули ребенка, прикрыв от поиска... Здесь помогли бы обычные артефакты, но стихийники, естественно, использовали свои. Глупая самонадеянность. А еще идиотская привычка считать стихии благом. И вот где оно, это самое благо?

Нет, так-то интересно, чем стихиям не угодила маленькая девочка. Или ее родители. Да, мало ли причин для конфликта?

Принц медлил. На лице не было написано ровным счетом ничего, но выдавали глаза и та мука выбора, которая в них отражалась.

– Посмотрите еще раз... У нее на руках животное было... Белое такое. Пушистое. С длинными ушами, – и через силу, переступив себя: – Пожалуйста.

Горе многих ставит на колени. Ломает гордость. Заставляет унижаться ради того, кто дорог.

Герхан с тоской ощутил себя слишком трезвым, чтобы отказать.

Вгляделся. Память ответила звенящей пустотой. Как и воображение. Белый пушистый зверь? Смешно.

– Вы не там ищите, – расщедрился он на совет. Уловил ответное понимание во взгляде... Стихии. Надо начинать с них. И принц отступил, смиряясь с неудачей.

– Я все же оставлю вам снимок.

Крохотная надежда. Сделать хоть что-то.

Зачем?

Герхан не любил детей, стараясь их не замечать. Они для него: неудобный мусор, временами попадающийся под ноги. А потом из этого мусора вырастают дебилы или негодяи. Круговорот глупости и зла в природе.

За спиной захлопнулась дверь, отрезая его от яркого солнечного света. Холл погрузился в приятный полумрак. Герхан облегченно перевел дух. Слишком много внешнего мира. Надо запить.

– Мэтр, – испуганный шепот помощника нарушил вернувшуюся было гармонию, – три недели... Вы как раз тогда с тем приду... мастером Рошаном пили. Вас два дня не было.

Дурость заразна. Она проникает внутрь с воздухом, впитывается сквозь кожу, насыщает сомнениями, дарит неуверенность.

От одной только мысли, что он... магистр Исполинский, герой, победитель, признанный в трех мирах архимаг, в двух внесен в книгу почетных граждан и еще в одном – осужден пожизненно, мог стать пешкой в игре стихий, голова не просто зазвенела. Ноющая боль стиснула мозги, добралась до зубов...

Герхан сморщился. Сжал кристалл в руке, и фигурка девчонки пошла волнами.

– Заткнись! – гаркнул он помощнику, зашвыривая снимок в дальний угол, где уже валялось приличное количество хлама. И быстро, пока не стало хуже, стер из памяти девчонку, ее придурка-отца и стихии. Взглядом поискал лекарство от

боли на столе в гостиной... не нашел. Даже пустые бутылки там не валялись. Видать Халь, испугавшись гостей, унес все на кухню. Придурок... Теперь придется идти туда самому.

– Поддай мне... – он предпринял попытку договориться по-хорошему. Выразительно щелкнул пальцами. Халь вздрогнул. Судорожно ощупал лицо и отступил, быстро проговаривая:

– Так нету больше. Вы вчера все... Последние запасы. Изничтожили.

– Х-х-халь, – угрожающе протянул мэтр. Боль оживала, пробираясь глубже. Вот уже и в груди заныло. Там, где старый шрам. Потянуло в плече. По-глупому тогда стрелу схватил. Только идиоты верят, что раны можно исцелить полностью. Они все равно возвращаются с возрастом фантомными болями. И вот их снять ни одному целителю не под силу. Зато выпивка помогает... забыть.

Поднял руку и помощник, взыв, рванул в сторону кухни. Через секунду хлопнуло окно. Удрал поганец. Только к вечеру теперь появится. Ну и темные с ним. Надоел. Хотя продержался дольше остальных.

Надо бы зайти в управление и сказать, чтобы больше не присылали нянек. Лучше бы выпивку отправляли, честное слово. И совершеннейшая глупость, что пьяный он не вменяем. Очень даже вменяем. Последняя жалоба была больше года назад. Но то убогое заведение само виновато. Нечего было пиво разбавлять.

Нет, это ж надо было – он снова загорелся несправедливостью – архимага, разбавленным пивом поить. Правильно, что сжег. Там и не пострадал никто. Не считая пары сотрясенных голов – он их из пожара за ноги через крышу вытаскивал. Так и бросал на землю. Да и чему там было сотрясаться? Мозгам, которых нет?

Но с того случая он старался с дебилами не связываться. Морока эта – осуждение общественности... И штрафы.

Через час поисков Герхан вынужден был признать их тщетность. Дом был пуст. Нет, так-то он был полон всякой дребедени, встречалось и запрещенное законом или требующего особого разрешения. Но нужного... того самого... не было.

Герхан остановился посреди гостиной, оглядывая беспорядок, ставший еще более явным. Плевать... внешнее его никогда не привлекало. Главное то, что внутри – в голове. А то ведь чистота на полках может свидетельствовать и о незамутненных знаниями мозгах.

Но делать что-то надо было... Для визита в гости еще рано. В таверне Дикого Храпа давно не наливают в кредит. Да ни в одной таверне этого идиотского города его уже на порог не пускают. А ведь когда-то... Он причмокнул. Потом взгляд встретился со своим отражением. Магистр раздраженно развеял иллюзию. Н-да... Он бы сам себя на порог не пустил с такой рожей. И какая, к темным, девочка? Они от него с визгом убегают, теряя туфельки.

Герхан подошел к двери лаборатории. Оценил плотность наложенных плетений. Сам накладывал... Старался. И чтобы сдохло то вдохновение, которое на него нашло. Тут полдня возиться, не меньше.

Тоска росла, заполняя едкостью сознание. Из уголков памяти поползли обиды. Еще и одиночество вдруг навалилось на плечи. А внутри шевельнулось что-то остро-болезненное, похожее на совесть. И захотелось на воздух...

Он открыл шкаф, отмахнулся от вылетевшей пыли. Достал костюм. Оглядел критично. Запустил очищающее закливание, которое от пыли, конечно, очистило, но ветхость материала не скрыло. Пришлось накладывать иллюзию. Потом идти умываться. Расчесываться. Больше всего провозился с туфлями, которые никак не хотели находиться.

Нашлись. Хотя он подумывал плюнуть и идти босиком. Когда его останавливала такая мелочь, как отсутствие обуви? Тогда, когда шел к Барху-мешочнику. В его лавчонке столько распознавателей – бизнес требует, что никакой иллюзии не хватит. Разве что возобновляемой, но та жрет столько... Да и лень возиться, если честно... Ради каких-то там грязных ног, пусть они и будут оскорблять своим видом горожан. Вот на последних ему уж точно плевать.

Герхан подумал, а не вымыть ли ноги... Но решил, что чести много. Сунул босыми в туфли.

Осталось последнее и самое важное.

Нет, он не распродавал свое. Еще чего не хватало опус-

каться до такого. Он же не бедняг какой-то. Архимаг.

Но обмен – другое дело. Почти благородное. Особенно, если меняешь что-то ненужное... А у него этого ненужного – целый дом.

Он нагнулся, отпихнул ногой диванную подушку, которая решила прилечь на пол. Поднял лазурит. Придирчиво посмотрел на свет. Край отколот, но чистота камня все еще имела ценность. Таких накопителей уже не делают.

Сунул в карман и, насвистывая, вышел на улицу, помахивая тростью.

Еще за пару улиц до лавки он начал копить любезность. Растягивал губы в улыбке. Думал о хорошем. Даже поздоровался с какой-то парой. Выходило неплохо. Так что в лавку он заходил с предвкушением победы.

– Доброго дня, уважаемый хозяин.

Нет, так-то неуважаемый. В прежние времена Герхан дверь с ноги вышиб бы. Ну или воздушным тараном вынес. Но времена меняются, а лавки остаются... И пальцы аж запылились от желания тут все сжечь.

– Утро еще, – недружелюбно буркнули из-под прилавка.

Сначала показалась лысая макушка. Потом обрамляющие ее седые волосы, высокий лоб, выпуклые, вечно слезящиеся глаза и мясистый нос. Ниже шли пухлые губы и рыхлый подбородок. На этом лице все было излишним. Даже уши. А вот ростом Барх не вышел. И чтобы не торчать одной головой из-за стойки он использовал высокий стул. На который сейчас

и громоздился, отдуваясь. Возраст не щадил никого...

– Дружище, ты даже по ночам здесь работаешь, – попытался пошутить Герхан. Вышло не очень. Доброты на лице лавочника не прибавилось.

– Что у тебя? – буркнул он неприветливо.

Герхан уже проклял себя за то, что взял лишь лазурит. Камушек на огромном, из темного дерева прилавке смотрелся жалко. Лицо Барха скривилось, но долг торговца требовал соблюдения ритуала. Так что он заграбастал камушек толстыми пальцами. Шустро ощупал, глянул на свет специальной лампы и вернул обратно.

– Отличный же накопитель да, Барх?

Магистр сам себя ненавидел за эти заискивающиеся нотки, а еще за беспомощность... Все, что он мог сейчас – мечтать раздавить гадину. Это земноводное в человеческом обличье. Но если он убьет всех лавочников в округе, кто станет ему продавать выпивку?

Барх тяжело вздохнул. Оглядел своего ненавистного, хоть и постоянного покупателя. Прошлый век. Самомнения больше, чем воздуха, которым тот дышит.

– Ты же знаешь, Герхан, такие больше никому не нужны...

«Прошлый век» в очередной раз принес замшелую старину, не понимая, что эта замшелость только и годится, что пылиться на полках. Он и возится со стариком лишь из уважения к его прошлым заслугам.

– Сейчас в моде металлические накопители. Сталь. Или

искусственные кристаллы. Ничем не хуже натуральных алмазов. Сам бы попробовал.

Герхан аж затрясся от такого предложения.

– Чтобы я... вот это... искусственное?

Так-то Барх и сам не очень любил прогресс – заморочно подстраиваться, но признавал его удобство. А уж натуралов вообще считал выскочками, много о себя мнящими.

– Ну как знаешь, – пожал плечами, катнул камень обратно и припечатал: – Не возьму. Полный шкаф таких. Никто не берет.

Полюбовался на застывшего от изумления старика. И ведь все прекрасно знает, но делает вид, что слышит впервые. Из него вышел бы отличный актер. Не лучше архимага. Но кому нужны таланты, которые живут прошлым и не могут быть полезны настоящему? Никому... Магия дарует им долгую жизнь, но толку-то? Мир слишком быстро меняется, чтобы они продолжали оставаться частью него.

Он отвернулся к стеллажу, прекрасно зная, что будет потом.

Робкое покашливание. Надо повернуться, удивиться, что посетитель еще здесь. Полюбоваться выражением смирения на его лице, под которым дрожит едва сдерживаемая ярость.

Н-да... любопытно было бы услышать, как костерит его сейчас старик. Все же раньше знали толк в ругани. Не то, что сейчас. Сплошные запреты. Правду сказать: «жирная старуха» нельзя – могут и штраф впать. И слова-то какие пошли:

личное пространство, самоопределение, равноправие. Плюнуть в спину – дискриминация, унижение. В морду дать – нанесение телесных повреждений. А раньше, как было? Кто кого на землю повалит – того товар и лучше. Кто кого перерет на улице – тот лучший продавец. Не понравился покупатель – послал подальше. Тот в ответ обматерил по бабюшке. Разошлись довольные собой... Каждый пар спустил.

А теперь?

Все в себе. Все с улыбкой. Иначе отзыв напишут. И эти-ми... отрицательными комментариями завалят... Сеть, чтоб ей саму себя пожрать. Никакого житья простым честным лавочникам от нее не стало.

Если бы не такие вот клиенты... Давно бы разорился.

– Ладно, – он сам себя великодушным почувствовал, – три бутылки.

– Согласен, – торопливо закивал головой старик.

Барх отточенным движением смахнул, не глядя, камень себе в карман. Нагнулся под прилавок и вытащил оттуда три бутылки из темного стекла. Поставил. Задумчиво посмотрел на мага. Тот уже забыл о его существовании – тщательно сдерживая суету в руках, рассовывал бутылки по карманам. Во взгляде читалось нетерпеливое предвкушение...

Барх тяжело вздохнул и, удивляясь собственной доброте, добавил пару мелких монет.

– У Агли сегодня пирожки удались. Загляни к ней по пути. Попробуй.

Герхан завис на пару мгновений, хлопая глазами, потом кивнул, криво улыбнулся, отступил, отказываясь, но Барх это предвидел. Махнул рукой – монеты слетели с прилавка, прилипнув к рукаву сюртука.

– С рыбой, – настойчиво повторил он, – и с яблоками. Под вино отлично пойдут.

Архимаг сердито нахмурился, серые брови встопорщились двумя щетками. Через мгновенье разъяренно хлопнула дверь, и лавка опустела.

Барх понимающе пожал плечами, хмыкнул:

– На здоровье, соседushка, – и подтянул себе книгу – записи он вел по старинке – внести принесенное.

На какое-то мгновенье Герхан позабыл обо всем, кроме душащей его ярости.

Ему!

Архимагу!

Герою войны «Меча и пара» дали монеты, как милостыню какую.

Покачать всех виновных! Сжечь! Заморозить!

Он завернул за угол и замер, наткнувшись на аромат свежей сдобы. Сглотнул, ощущая, как желудок тянет от голода.

– И, правда, с яблоками, – пробормотал, прикипая взглядом к вывеске с булками и хлебом.

– Никто же не увидит, – усомнился он в собственной стойкости.

– И, может, камень стоил чуточку дороже. Вот и докинул,

– нашел верный аргумент изменить своим принципам маг.
Ноги сами свернули к булочной.

ГЛАВА 2

– Ты должна ее вернуть!

Крик жены болью разнесся по побережью. Потонул в сердитом шепоте волн. Был осмеян пронзительным воплем сорвавшихся с дюн птиц.

Фильярг, подобравшись, смотрел, как напротив того места, где стояла Юля, вырастает волна. Пенится шапкой. Нависает угрожающе.

«Не вмешивайся, – сказала Юля ему перед тем, как спуститься с дюны, – это между нами».

Как тут не вмешивайся?! Фигурка жены казалась ничтожно маленькой напротив зелено-синей громадины.

– Она тебе не принадлежит! И то, что ты помогла ей с рождением, не дает тебе право распоряжаться ее судьбой!

Упрямая! Спорит с той, что с легкостью убьет. Фильярг одновременно чувствовал дикий страх за жену и гордость.

Огонь отказал. Даже разговаривать на эту тему не стал, хотя они пытались. Все. По очереди. Вода хоть согласилась поговорить.

– Пусть так! Но хотя бы скажи, где она? Не прячь ее от нас! А если ей нужна помощь? Она еще маленькая совсем!

Вода раздраженно шипит в ответ. Бурлит, негодуя. Наставляет на своем.

И жена, он это видит, машет на нее рукой. Обреченно так.

– Она была твоей любимицей! Готова на все ради вас. Четверых! Пойти против семьи. Приняла тебя первой. А ты... предала ее. Вы все ее предали...

Волна застывает. Ветер срывает с нее пенистую шапку. Рычит. Бьется в упругую преграду. Гонит по небу серые – клочками – облака.

Жена поворачивается к морю спиной и, тяжело ступая, идет к нему, проваливаясь в песок.

Он сбегает с дюны, чтобы помочь ей подняться.

– Наша дочь – спящая красавица, – опустошенно выдыхает Юля. – Эта утверждает, что если она вернется в ближайшие годы, то умрет. Наша дочь умрет, – кулачок утыкается ему в грудь. Он прижимает жену к себе, обнимая, утешая.

– Еще сказала, что они все ошиблись. Все четверо. И единственный вариант все исправить – разъединить ее с этим миром. Глупость, – плечи жены затряслись, – какая же глупость. Если так важно разъединение, я могла бы отправить ее сама. Куда угодно. Хоть к своим на Землю. Но смогла бы ее навещать. Знать, что с ней все в порядке. Найти хороших людей, которые за ней присмотрят. Зачем вот так? Кидать ее в неизвестность! Испытывать! Какой в этом смысл? – и она замолчала, тяжело дыша.

– Я найду ее, – пообещал Фильярг. – Клянусь, найду. Перерою миры, достану всех архимагов, вытрясу из них правду и найду. Просто верь мне. Все будет хорошо.

– Ты прав. Надо верить. Нельзя отчаиваться, – жена отстранилась, вытерла ладонью глаза. – У тебя тэорат, у меня академия. Два сына. Ради них мы должны держаться. Вода обещала, что она будет жить. И вернется. Я очень хочу ей верить. Очень.

За их спинами с грохотом обрушивается на берег вода, затапливает пляж белой пеной, достигает дюны и откатывается обратно. И ветер стихает. Облака словно растворяются в небе, а на песок ложатся солнечные лучи.

Стихии...

Первый как обычно не стал утруждать себя стуком в дверь. Харт уже привык, так что даже не возмутился. Пусть у старшего брата будет собственная привилегия.

– Чем занимаешься?

Третий отложил в сторону утреннюю сводку докладов, с удивлением посмотрел на брата. Когда это его интересовали дела других братьев? Отвечать не стал. Молчание по его опыту работало не хуже болтовни.

– О девочке никаких новостей? – спросил Первый, устраниваясь в посетительском кресле. Поморщился и напомнил: – Отведенные четыре недели фаттарцами почти истекли.

Харт откинулся на спинку стула, задумался, вспоминая посеревшее лицо брата. Когда они виделись в последний раз на всем облике Фильярга отпечаталась въевшаяся под кожу усталость, в глазах стыло разочарование. И Харту не было в

чем его обвинить. Четвертый делал все и даже больше. Обошел всех известных архимагов, пребывавших на «отдыхе», а найти мэтров, которые не желали быть найденными, само по себе достижение. Но Фильярг был настойчив, где надо подкупал, где не получалось – давил силой. Фаттарцы тоже не сдавались, выписывая штрафы и грозя заключением, если гости не угомонятся в своих нарушениях их законов – мэтры извоили жаловаться на чрезмерно настойчивые расспросы.

Харт без слов подписывал штрафы, рвал гневные уведомления о недостойном поведении гостей из Асмаса. Плевать. Им с фаттарцами не жечь костры. Главное результат, а его не было. Никто и ничего. Оля как сквозь землю провалилась. Маленькая девочка исчезла. И это в мире, который гордился своим контролем за гражданами. И где он, этот контроль?!

Мэтры по факту оказались спившимися или полубезумными стариками, не желавшие даже слышать о проблемах других.

Фильярг жаловался, что эти уроды не помнят, что делали вчера. И он подозревал, что они просто могли не заметить маленькую девочку, затянутую в портал.

Фаттарцы не помогали, но и не мешали, дав добро на поиски. Правда в их официальном ответе значилось легкое раздражение по поводу уверенности Асмаса, что девочка у них. Мол, мало ли миров на свете?

А у кого еще она может быть? Фаттара – единственный мир, гордящийся своими архимагами. Ни у кого их больше

не было в таком количестве, еще и мающихся от безделия, спивающихся, не знающих, куда убить время. И это кроме тех, кто продолжал работать. К ним Фильярг тоже обращался, и Харт мог представить, сколько унижения довелось вынести брату от мэтров, не отличавшихся добродушным нравом. Долгожительство всегда добавляет цинизма и едкости характеру.

Каждый из опрошенных отправлял Четвертого по одному адресу: к стихиям. Мол, ваши... сами с ними и разбирайтесь.

Тем, кто ни разу не приручал внутренний огонь, не понять тех, кто живет со стихиями. Универсалы использовали магию, как силу мышц. Глупо же советоваться с бицепсом о будущем или разговаривать о политике. В этом главное отличие стихийника. Он не один. Его сила – отражение него самого, а воплощение стихии – не только эмоции и память поколений. Это нечто ближе к божеству.

Все эти доводы не мешали фаттарцам смотреть на стихийников свысока, и если бы не личная просьба императора – были у него какие-то дела с иномирянами – Четвертого и на порог Фаттары не пустили. Плевать им на девчонку... Доказательств никаких. Одни догадки. Может, и не было девочки, как и архимага...

Харт и сам не любил чужаков, шарившихся по Асмасу, но чужого ребенка стал бы искать. Людей бы дал.

– Ничего, – ответил Третий, раздраженно отпихивая в сторону лист со сводкой. Какие там дела, когда у них непо-

нятно что в семье творится?! И ведь знал, что с девчонкой просто не будет. Не знал, что настолько. Да и проблемы ожидались несколько позднее... Когда начнутся подростковые бунты.

– Может, и к лучшему, – пробормотал внезапно Лиестр, принявшись задумчиво пощипывать подбородок.

Харт насторожился. К лучшему? О чем еще он не знает?

– Поясни.

– Нечего пояснять, – отмахнулся брат, – одни догадки. Могу утверждать одно: последние измерения показали активацию третьего дара. Не полную пока, но дар обещал был столь же сильным, как и предыдущие два. Однако, – он замолчал, собираясь с мыслями, и за эту паузу Харт чего только не передумал, – вместе с пробуждением третьего дара возросли признаки дестабилизации. Оле ведь восемнадцать исполнилось? Но по развитию она старше года на три. Скоро начались бы циклы. И та самая женская нестабильность.

– Контур? – осторожно предложил Харт, понимая, что об установке стабилизатора Лиестр должен был подумать в первую очередь.

– Боюсь, здесь он бы мало помог. Контур рассчитан на одну стихию и не предназначен для больших нагрузок. Иначе все тело камнями покрывать пришлось. Я пробовал рассчитать стабилизатор на большее число стихий, – Первый удрученно покачал головой, раздраженно морщась от неудачи, – но с учетом равнозначности сил, контур смог бы удержать

лишь одну, и мы получили бы выброс чуть меньшей интенсивности: двойной вместо тройного. Не такая уж большая разница. Там и одного выброса достаточно, чтобы заработать лихорадку или получить выгорание. А если стихий станет четыре...

И он замолчал, давая возможность Харту самому представить последствия.

– О чем они вообще думали!? – возмутился Третий. – Проводить подобные эксперименты на ребенке!

Лиестр непонимающе нахмурился, посмотрел вопросительно.

– Фильярг рассказал, – Харт махнул рукой на секретность, – что стихии были сильно заинтересованы в его дочери. К себе на встречи по ночам таскали. Учили. У меня такое чувство, они хотели вырастить первого стихийника-универсала.

– Так-так, – Лиестр вскочил, нервно заходил по кабинету. – Теперь все ясно.

«Ясно» Харту не было, и он молча ждал пояснений.

– Стихиям давно не давала покоя универсальность. Помнишь трактат Сиятельного о силах? Там целая глава была о великой цели собрать в себе все четыре стихии. Единение. Всесильность. Стать истинным сыном мира. А тут такой шанс. Оля дочь ассары. Уверен, если бы Землю не заблокировали от магии, их мир был бы миром универсалов. В принципе Фаттара очень похожа на Землю: растительность, животные... Я не был бы удивлен, если бы заблокированные

способности матери пробудились в дочери. И тогда понятен интерес стихий к ребенку. Отец стихийник, мать... потенциальный универсал. Оля действительно могла соединить в себе четыре стихии. Честно признать, я тоже на это рассчитывал.

– Но что-то пошло не так.

Харт тоже встал. Он всегда знал о том, что стихии используют людей, порой жестоко играя ими, но и награждая щедро. Поддерживая, помогая. Однако знать и видеть, как они вышвыривают из родного мира девочку, обрывая связь с семьей – разные вещи. Как и смириться с этим.

– Мне кажется, все началось еще на свадьбе Шестого, когда император преподнес Ольге кулон, а вода запретила его снимать, – продолжил Харт развивать свою мысль, подходя к окну, за которым плакал под мелким весенним дождем парк, и зеленая листва блестела умытостью. – Мне тогда уже показалось это подозрительным.

Стихии играли в долгую. Иногда на столетия вперед. Терпения им было не занимать.

– Возможно, – не стал отрицать Лиестр и пожаловался: – Мне бы хоть одного универсала, чтобы сравнить... Понять, что происходит. Откуда нестабильность. Вызвана ли она взрослением или это стихии вступили в противоречие друг с другом, а может, там смешалось все: стихии, универсальность и взросление...

– Понятно, почему ее выкинули на Фаттару, – Харт повер-

нулся к брату – вид плачущего парка вызывал похоронное настроение, задумчиво покачался с пятки на носок. Картинка в голове почти сложилась. – Ее пытались спасти. Убрать из того коктейля, который сами же взрастили, стихийную составляющую. Уменьшить нагрузку. Только не понимаю, зачем лишать связи с семьей? Скрывать от поисков? Пусть и наполовину, но Оля стихийница.

– Кто-то заигрался, а признать вину не желает, – криво усмехнулся Лиестр. Стиснул кулак, а когда разжал – на ладони плясал маленький огонек. – «Стихии не имеют слабостей, не делают ошибок и даже если нам, по недомыслию, их действия кажутся неправильными, это исключительно потому, что мы не видим все картину целиком», – процитировал он трактат «О стихийной мудрости».

Огонек сердито мигнул и погас.

– И ты прав, похоже, шансов выжить у нее здесь было немного. А насчет Фаттары... Сам знаешь, как там относятся к стихийникам. Мы для них нечто вроде дикарей, только спустившихся с дерева. Ну как тапуны для нас, когда они режут птицу, чтобы по внутренностям предсказать будущее или вызывают духа предка, наливают ему выпить, а потом требуют каких-то благ. Может, и к лучшему, если ее не будут связывать с нами. Непросто быть ребенком двух миров.

Харт согласно кивнул. Он и сам думал так же.

– Что с ее братом? – спросил Лиестр, обтирая ладонь о штаны.

– Истинный огневик, никаких сюрпризов. Правда, сильно разозленный огневик, – и Харт недовольно нахмурился. – Ему не рассказывали о роли стихий в исчезновении сестры – сам догадался. Теперь сыплет пепел в академии. Требуется призвать стихии к ответу и заставить их вернуть сестру. Сторонников себе нашел. У них бредовая идея шантажом: «Мы отвергаем стихии» призвать их больше уважать людей и учитывать их мнение.

– Угу. Либерализм. С огнем, – хмыкнул Первый. – Они бы сначала друг друга уважать начали, а потом требовали бы такого же отношения от стихии.

Харт призыв не оценил.

– Ты просто не знаешь, как распространяются подобные идеи – быстрее пожара. Не успеешь оглянуться – и модно станет винить огонь во всем. Вот увидишь, они себя еще антистихийниками объявят. На радость фаттарцам.

И Третий с тоской подумал о том, что ему не хотелось бы дожить до того момента, когда придется вносить сына брата в пепельный список тех, за кем приглядывали его парни. Так то, конечно, в списке встречались и члены семьи. Кайлес, например. Но Иль это другое. Было бы погано отправить на рудники пацана, чье появление на свет он встречал одним из первых. И пусть сейчас это был лишь переживающий за сестру мальчишка, но Харт знал, насколько влияют детские травмы на взрослую жизнь. Особенно, если Оля не вернется.

– С пацаном мы поработаем, – пообещал себе Харт. – Да

и Четвертый, когда вернется, присмотрит за наследником. Главное, чтобы не сбежал на поиски сестры. Представь, насколько глупо мы будем выглядеть в глазах фаттарцев, если придем к ним за разрешением на поиски еще одного ребенка. А Оля...

– Ждем, что еще мы можем сделать, – вздохнул Лиестр, думая о том, чтобы попутешествовать. Давно ведь хотел посмотреть другие миры. Почему бы не глянуть Фаттару? Исследовать универсалов, например. Занятный труд может получиться. Даже название уже есть: «Особенности универсалов и их отношение к стихиям».

Три недели назад. Фаттара

Оля даже среагировать не успела. Удивилась только, когда перед ней из портала возник смешной старик с грязными патлами седых волос. Буркнул что-то непонятное и открыл обратный портал, сила которого, не спрашивая ее разрешения, потащила сквозь пространство.

Миг – и она стоит оглушенная на оживленной улице какого-то города, вбирая в себя волной накатившие запахи и ошалело смотрит на желтые стены, камень под ногами и яркое – здесь был день – небо.

А еще здесь было лето. Духота перехватила дыхание. Жара ударила в лицо.

Мимо промчался на дребезжащей конструкции пацан.

Кролик испуганно дернулся, пнул лапкой в живот, выры-

ваясь, и она от неожиданности не успела перехватить, удержать. Мгновение – и он спрыгнул на мостовую. Скачок – и белый комок с неожиданной для него скоростью помчался по улице.

Девочку накрыла липкая паника. Мир сузился до одного. Снежок. А если он потеряется? Если погибнет?

– Стой, Снежок! Нет! – она бросилась за ним, благополучно забыв о том, что ей нельзя терять старика из вида. Ведь только он сможет вернуть ее домой.

Кролик прыжками неся по улице, мимо каких-то лавок, высоких домов. Едва вывернул из-под колес странной повозки, им вслед кто-то кричал, кто-то смеялся. Она, задыхаясь от быстрого бега, не замечала ничего, кроме мелькавшего впереди белого пушистого хвоста.

Потом Снежок нырнул в темную подворотню, рванул в дырку под забор, и она остановилась, хватая ртом воздух. Заозиралась, беспомощно прикидывая высоту забора и понимая, что перелезть сил не хватит.

Внезапно в груди там, где висел подаренный императором кулон, запекло так, что слезы градом хлынули из глаз. Она испуганно схватилась за грудь. Опустилась на колено. Воздух стал раскаленным, иголками впиваясь в горло. Мир расплылся. Затих, приглушенный болью.

Скрипнуло. Рядом кто-то остановился, принесся волну травяных запахов и еще чего-то непонятного.

Ослепленная болью девочка мало что соображала. Она и

голос-то: старый, похожий на скрип деревьев в лесу, едва слышала. Женщина говорила, но слов было не разобрать.

– А кто это у нас? Еще и такой симпатичный? Стихийница? Неужели? Откуда? Еще и одна. Хм, а что это у нас за артефакт такой? Прячущий ауру и кровь? Занятно. Ладно, милая, давай я помогу тебе подняться. Тебе надо отдохнуть. А пока я сварю какой-нибудь отвар, чтобы тебе полегчало.

И неожиданно сильные руки подхватили девочку, поставили на ноги. Женщина обхватила ее за плечи, повела куда-то.

Мир все больше погружался в горячечный туман. И что-то терялось в нем. Что-то очень важное, только Оля не понимала, что именно. Ей было плохо. Ей было больно. И только издалека, словно сквозь туман, доносившийся голос связывал ее с реальностью.

– Кружись, кружись. Вейся, вейся. Плохое пусть забудется. Хорошее тоже. Растворится в омуте. Упадет на дно. Зарастет илом. Станет память чистой, как вода.

А потом:

– Пей, милая, пей.

Горечь на языке. Обжигающий глоток. Тепло в желудке. И сознание уплывает в сон.

– Ты с ума сошла! Свихнулась? Зачем тебе девчонка? Ее же искать будут!

Гейра поморщилась и недовольно покосилась на брата. И

зачем только матушка родила такого придурка? Еще и по-смертную клятву с нее взяла, что заботиться будет о младшем брате. А тот, как назло, вечно куда-то лезет. И вроде годов уже под сотню, а все еще не угомонится. Доказать что-то пытается. А выходит лишь одно: долги. Порой Гейре казалось, что стоило брату сделать шаг за порог, как на нем повисал очередной долг.

Редкостный придурок. Но родной. Еще и клятва матушке...

– Смотри, какой браслет! Точно родовой. Такие только у знати бывают. Да и наряд. Форма какая-то, но материал качественный, дорогой. Правда, написано не по-нашему. Она ведь проснется и потребует отвести ее домой. Что ты будешь делать?

Гейра раздраженно потеряла виски. После ворожбы у нее всегда болела голова и потому голос брата звучал особенно противно. Хотелось его заткнуть. Но она отбросила кровавые мысли, сосредоточившись на деле. Деньги сами собой не появятся.

– Умолкни, придурь, – рявкнула с особым наслаждением. Хорошо все же, что брат младший. Хоть поорать на него можно. В детстве она его и поколачивала порой, да видно мало. Не вколотилось нужное. А сейчас уже и бесполезно бить. Все равно мозги лучше работать не станут.

– Ничего она не вспомнит, – добавила уже тише, с гордостью посмотрев на намотанный клубок. Надо будет сжечь

потом. Или просто убрать? Решит позже.

– Ты-ы-ы!!! – с ужасом выдохнул брат, отступая в панике. Глаза забегали точь-в-точь, как тараканы из-под занесенного тапка. Надо будет, кстати, их потравить. Тараканов, конечно. Но ингредиенты для яда требуются дорогие, а магия на паразитах не работала. Магсовет давно премию объявил тому, кто объяснит сей феномен. Сами-то думать не хотят. Только деньгами разбрасываться могут. Поразвели магов. Каждый десятый мэтром себя мнит, каждый сотый архимагом, а тараканов извести не могут. Чтобы раз – и окончательно, еще и везде. А то у себя потравил – соседские на чистое пришли.

– Предупреждал меня отец, чтобы не связывался с тобой. Черная у тебя душа. Вся в мать пошла. Ведьма! – тонко взвизгнул брат. Ну чисто поросенок. Хотя внешне давно уже в кабана превратился.

– Тихо!

Но братца понесло. Лицо побелело, пошло красными пятнами. Он шарил глазами по дому, словно хотел увидеть там что-то новое: отрезанные уши или кишки, развешенные по стенам.

Ведьма! Ха! Просто дар у нее природный... Который по наследству от матушки достался. Но у нее хотя бы дар, а не то недоразумение, которым владел братец. Да и отца он зря помянул. Тот был изрядной скотиной. Сдох так же, по-скотски: перепив и сломав себе шею – через забор неудачно перелазил. Мать тогда, помнится, только вздохнула с облегче-

нием. Они и, правда, зажили лучше и жили неплохо, пока Ритерс в долги влезать не стал.

И не брату попрекать ее даром. Благодаря ему, они хотя бы не голодают и расплачиваются с долгами. А что темный он... Так не всем светлыми быть и благородными. Кому-то нужно и с грязью разбираться.

– Проклян, – добавила она мстительно, и брата аж пере-
косило.

– Я уже проклят! – заорал он, брызжа слюной, глаза стали совсем сумасшедшими. – И все это знают! Из-за тебя меня ни в одном приличном доме не принимают! На работу брать боятся!

А вот это было откровенной ложью. У нее имелись и постоянные клиенты. Несколько раз она просила их об услуге пристроить братца. И каждый раз это заканчивалось одинаковыми стонами, что работа слишком тяжела, платят мало, требуют много. И он уходил в поисках лучшего варианта, который, естественно, не находился.

– Из-за тебя мне всегда не везет! – выпалил Ритерс уже на пороге.

– Сколько на этот раз? – спросила Гейра, отшвыривая метлу. Даже не заметила, как та сама в руку прыгнула, чтобы братца поперек спины вытянуть.

Злиться сил уже не было. Перегорела. Раньше, помнится, пыталась. Проклятием пугала. Заговором. Но видно то, что сидело в Ритерсе было сильнее страха.

– Немного.

И весь запал слетел с брата. Голос сделался виноватым, а взгляд косил куда-то в угол.

– Шлейх платит за детей. Золотом, – она устало опустилась на табурет. С тоской оглядела кухню, которая давно просила ремонта. Ингредиенты опять подорожали, а без них ей не сварить зелий. – Не знаю, зачем они ему, но берет не всех. Только не проблемных и одаренных. Девчонка стихийница. За такую он много отвалит.

Ритерс засопел, обдумывая.

– А если найдут? – засомневался он.

– Память я ей замутила, а от поисков ее кто-то другой прикрыл. Я тут не причем. Так что семья ее не найдет по крови. Девчонка чиста. Да и вряд ли ее ищут. Чую – избавились от нее. Сдадим в детский дом – нам за это не заплатят. А у Шлейха, слышала, школа своя. Девчонке там неплохо будет. Так что хватит трястись. Лучше помоги одежду достать. Эту я сожгу. Скажи, что племянница к нам собирается в гости прибыть. Подарок приготовить надо. Только недорогую. Ей все равно в школе форму выдадут.

Ритерс все еще сомневался, и на его лице явственно боролись страх с алчностью.

Победила алчность.

– Если что – в тюрьму сама сядешь, ведьма. Я скажу – ты меня заставила!

Хлопнула дверь, и Гейра осталась одна. Улыбнулась кри-

во. Кто бы сомневался, что братец станет ее прикрывать? Первый побежит сдавать, как только дело запахнет дурным.

Она встала. Дел было много. Сварить ужин – девчонку следовало накормить. Связаться с Шлейхом. Еще и мыслепереводчик потратить – надо же как-то объясняться с дикаркой. Ну и главное – сочинить сказочку для малышки. Чтоб поверила. Без веры ее ворожба плохо работала.

Но самым первым она сделала другое. Взяла ножницы. Без сожаления – у Шлейха красота будет лишь мешать – отрезала волосы под корень. Подравняла чуток. Навык был. Братца она с детства стригла. Оглядела спящую на кровати девчонку – под спину она ей подушек накидала. Даже с короткой мальчишеской стрижкой находка выглядела привлекательно. Всему виной волосы – черные с золотым отливом, густые брови, длинные ресницы. Надо притушить эту яркость красок.

Гейра тяжело вздохнула – снова тратиться. Вечная краска стоила дорого, но так хоть девчонку по описанию не найдут. И она полезла в шкаф.

ГЛАВА 3

Варево готовилось долго. Кипело, наполняя комнату удушливым запахом. Поднималось зелеными пузырями над котелком. Искрилось, шипя.

Вернулся Ритерс. Проворчал, что она их потравить решила, как тараканов. Гейра, хмыкнув, ответила, что тараканы

поумнее некоторых будут и выдала список того, что следовало докупить.

Вечная краска, чтоб ее... Нет, так-то ее свести можно, но если знать, что именно сводить. Без специального анализа не определишь. Не иллюзия, чай. Все же были свои преимущества перед магами и у ведьм. Пусть академий не кончали, зато знали, как можно и самого мэтра вокруг пальца обвести.

– Ты ее лягушкой сделать собираешься? – удивился Ритерс, глядя, как она ловко обмазывает голову девчонки густой зеленой жижей, проводит по бровям, аккуратно – кисточкой, подложив полоски бумаги – мажет ресницы.

– Дурак, – привычно ответила на очередную глупость брата Гейра, хотя и сама не знала, какой цвет в итоге выйдет. Вечную краску потому и не любили, что волосы она окрашивала в цвет волос одного из родителей. Или любого другого близкого родственника. Так что если в семье были все рыжими, иного цвета не получится, а вот если имелись варианты... То цвет можно было сменить гарантировано, и краска эта не смывалась даже на отрастающих корнях.

Гейре хотелось не просто изменить цвет волос, а чтоб девчонка слегка подурнела – некрасивым жить проще, особенно когда некому заступиться.

Зла находке она не желала. Даже пирог для нее поставила. Яблочный. И молока велела купить.

Но так получается, что честным способом денег не заработать. Хоть лопни. А ведь она пыталась. Даже в школу по-

ступала. Среднюю. В которую основам магии учат, а не просто считать и писать, как в начальной. Но ее выгнали вон. Еще и магконтролем припугнули.

Летевшее в спину: «Ведьма», каленым железом вошло в сердце, да там и осталось, начав обрастать чем-то черным. Тогда она и позволила матушке начать учить ее всему. Помогать стала. Матушка хвалила, называла «Смышленной». Только гулять Гейра перестала днем по городу, чтобы не слышать всякого грязного, брошенного в спину. Друзей она растеряла. Быстро. Братец и тот... Чудовищем ее считает. Если бы не заработок, давно бы выгнал из дома.

Гейра намочила полотенце, принявшись стирать краску с волос девчонки. Ритерс поливал сверху из кувшина. В таз потекла серая вода.

– Странный цвет какой-то, – проворчал он, наклоняясь и разглядывая прядь волос. – Седая, что ли?

Гейра пожала плечами. Седая? Скорее серая. Так даже лучше. Похоже, провидение одобряет ее план. И Гейра ощутила облегчение от мысли, что она чем-то даже помогает девчонке. Может, кто-то пытается ее спрятать от семьи? Спасти от гибели? Вот она и спрячет получше. Именно так эту историю и надо рассказать девчонке.

Хорошо бы еще глаза изменить... Но тут только иллюзию наложить, в которой она не сильна. Было зелье, изменяющее цвет радужки, но капать его постоянно детям не рекомендовалось. Зрение могло неотвратимо ухудшиться.

– Все, – Гейра критично оглядела девчонку. Кожа на лице кое-где еще отливала зеленым, зато красота съелась приобретенной серостью. Поблекла. Да и сама девчонка сейчас больше напоминала худого пацана. – Давай одежду. Я ее переодену. Одежду и волосы сожги на дворе. И не вздумай напортачить.

Ритерс с готовностью кивнул. Он уже привык к мысли о том, что скоро в кармане зазвонят монеты. Ну и если стражи до сих пор не ломаются в дверь... то и дальше ломиться не станут. Кому нужна девчонка в самом деле?! Будто у взрослых других дел нет?

Оля просыпалась тяжело. Голова ощущалась камнем с пугающей пустотой внутри – ни единой мысли, словно она разучилась думать. Хотя нет, думает сейчас же. Значит, просто устала. Или долго спала.

Она пыталась вспомнить хоть что-то, но прошлое, дразня, пряталось за колыхающейся завесой густого тумана. Оля напряглась, пробуя разглядеть хоть что-то, но голову прострелило острой болью. Пугающая тяжесть навалилась на грудь. И она, застонав, отступилась.

– Тише, тише, милая.

Голос был хриплым, неудобным, но руки обняли ласково, приподнимая. И Оля смело распахнула глаза, садясь на кровати.

Женщина была не то, чтобы сильно старой, скорее изму-

ченной, а еще какой-то неухоженной... словно обсыпанная пеплом старая метла с колтунами и клочками пыли. Темные глаза глядели мертво. Лицо почти не двигалось. Женщина попыталась улыбнуться, но уголки губ лишь нервно дернулись.

– Не бойся. Меня зовут Гейра. Я поставила тебе переводчик. Кивни, если понимаешь.

Оля потянулась к виску. Пальцы нащупали холод металла. «Почему не камень?», – удивилась она.

Женщина терпеливо ждала, и девочка, спохватившись, кивнула.

– Вот и хорошо, – на застывшем лице еще одним слоем маски проступило облегчение, – тогда я тебе покажу что где, а потом мы пообедаем и я все расскажу.

В туалетной комнате Оля долго смотрела на свое отражение в пыльном, очень старом и местами покоцанном зеркале. Оттуда на нее, не мигая, глядела худая, коротко-стриженная девочка, больше похожая на пацана. Желтые глаза ярко выделялись на чуть загорелом лице. Или это у нее кожа такого цвета? Еще и зеленым отливает. Собственно, глаза только на этом лице и были. Все остальное сливалось в одну невзрачность: серые, блеклые волосы, серые ресницы, брови.

Оля не могла объяснить, почему чувствует разочарование. Вроде ее лицо. Собственное. И все равно разочаровывает, словно должно было быть лучше, красивее...

А потом навалились вопросы.

Зачем она здесь? Кто она? Где?

Паника сдавила горло. Сердце застучало в ушах.

Она беспокойно одернула убогое платье, которое ни разу не соответствовало богатому браслету на руке.

Девочка вздохнула. Чего-то не хватало. Очень близкого и родного.

Рука сама потянулась к воде. Тронула струйку, и Оля ощутила отклик. Слабый. Где-то на грани сознания... Но вода готова была ее слушать.

И девочка поманила к себе водную нить, пропустила ее сквозь пальцы. Полюбовалась, как та, блестя и переливаясь, скользит по коже.

– С ума сошла?! – в комнатку – такую же устало-грязную, как и хозяйка – влетела женщина. – Не смей! – крикнула она, наступая, а с ней наступала и тьма, тенью стояв за спиной. И эта тень жадно и страшно всматривалась в девочку, словно оценивая, а потом потянула к ней вихревые щупальца.

Оля закричала. Ударила чем-то невидимым, что вскипело жаром в руках. Женщину вынесло прочь. Запахло паленым.

– Дура! – донеслось из коридора. – Психичка малолетняя! «Малолетняя» было понятно, а вот «психичка» не очень, но явно оскорбительно.

Оля настороженно замерла.

– Ты же себя выдашь! – крикнули с той стороны поля битвы. – А если магоконтроль придет? А ты не зарегистрирована. Еще и непонятно, кто. Не помнишь ничего. Вот твои

враги обрадуются. Враз к ним в руки попадешь. Ну а там... уж не знаю, что с тобой сделают, но вряд ли что-то хорошее.

Голос женщины наполнился злым ехидством. Она словно предвкушала этот момент и в то же время предостерегала...

Оля засомневалась. Ладони все еще пекло, и она, стиснув зубы, принялась восстанавливать контроль. Задышала привычно: короткий вдох и долгий-долгий выдох.

Память словно играла с ней в прятки в темной комнате, подкидывая на ощупь знакомые вещи, но пряча все остальное.

– Хорошо, – пробормотала Оля и уже громче крикнула: – Хорошо. Я поняла. Больше не буду.

И нехотя отпустила жавшуюся, словно зверек к руке, воду.

Настороженно, бочком, зашла в большую комнату. Вино- вато вспомнила обуглившиеся стены в коридоре. Впрочем, тут везде требовался ремонт.

– Навоевалась? – неожиданно дружелюбно поинтересовалась Гейра. – Прости, если испугала. Но хорошо, что ты бой- кая. Шлейху понравится. Только стихии больше не призывай без надобности. Здесь такое редкость. Враз себя выдашь. А тебе выдаваться нельзя. Спрятали тебя. Кто – не спрашивай. Сама не знаю. Денег дали, велели укрыть. Время придет – найдут. А пока учиться будешь.

Оля осторожно села за стол. Есть не хотелось. Страх все еще стоял комом в горле. Взгляд то и дело возвращался к женщине, ища за ее спиной тень. Но та спряталась, не пока-

зываясь.

Может, привиделось? – засомневалась девочка. Но нет, холодящее душу присутствие чужое силы, настолько чужой, что сердце останавливалось, она не могла перепутать ни с чем.

– Ешь, тебе нужны силы, – подбодрила Олю женщина, и ее лицо треснуло в улыбке-гримасе.

– Кто такой Шлейх? – спросила девочка.

– Директор школы, где ты будешь учиться, – дружелюбие явно давалось Гейре с трудом, но она старалась и даже придвинула Оле пирог. И чай налила в чашку с отбитым верхом. – А пока отдыхай. Погода сегодня отличная. Поешь и можешь во дворе погулять. У нас забор высокий, тебя никто не заметит. Только на улицу не ходи. Ищут тебя. Запомни: любовью может оказаться врагом. Верить ты можешь только мне.

День действительно был солнечным и, пожалуй, даже жарковатым. Так что она нашла тень под старым, раскидистым деревом, в кроне которого сухих веток было больше, чем зеленых. Здесь вообще было много всего такого... старого, неухоженного и заброшенного. Рассохшиеся бочки, треснувшая пополам скамейка, облезшая деревянная игрушка.

Оля огляделась со вздохом. Гулять не хотелось. Хотелось... найти себя. Вспомнить. Вернуться. Пусть там и было плохо. Пусть там и хотел кто-то ее убить, но был и тот, кто любил, защищал. Точно был.

И она замерла, пытаясь нащупать внутри себя то особенное теплое чувство и понять, кому оно адресовано.

Хруст в дальнем конце двора отвлек ее внимание. Девочка насторожилась. Присела на корточки, вглядываясь. Нет, ей не показалось – в зеленой траве, которая пряталась в тени забора и не успела выгореть на солнце, мелькнуло белое пятно.

Оля нахмурилась. Ей не нравилась хозяйка. Пугала ее сила. Вызывал брезгливость дом. Так может и во дворе прячется кто-то опасный? И она смело зашагала в дальний угол. Если там ее ждали неприятности, не следовало заставлять их ждать долго.

Белое пятно затаилось в траве.

– Эй? – позвала девочка. Первыми из травы показали уши. Они были длинными и вытягивались, вырастая, напряженно торча вверх. Следом высунулась мордочка. Забавный нос зашевелился, обнюхивая воздух, и вдруг зверек прыжком взвился в воздух. Пара крупных скачков, и он замер перед Олей. А потом оттолкнулся, прыгнул, целясь ей в грудь – она еле успела подхватить его на руки. Прижала к себе привычным жестом. Спрятала лицо в пушистой шерсти – зверек обеспокоенно обнюхивал, щекоча, лицо. И что-то такое царапалось на грани сознания. Словно кто-то поселился внутри. Знакомый до боли.

– Снежок! – выдохнула Оля, стискивая комочек меха. Щеки обожгло побежавшими по ним слезами. Она без сил опу-

стилась на траву. Зверь испуганно трепетал ушами, по шкурке волнами проходила дрожь. Она чувствовала его страх. Ему тоже не нравились жившие здесь люди. Он боялся их, но не мог уйти и бросить хозяйку. Но сейчас они вместе, значит, все будет хорошо – прохладный, влажный нос ободряюще ткнулся в щеку. Только зверек не понимал, почему хозяйка плачет.

А она все плакала и плакала, не в силах остановиться. И сердце болело. Ныло, намекая, что Снежок лишь первый из тех, кого ей предстояло найти.

А когда сил на слезы не осталось, она вытерла лицо, посмотрела в красные глаза кролика и призналась в том, что вспомнила:

– У меня был брат. То есть он есть. Наверное. И я его очень люблю.

Снежок сочувственно дернул ушами. В двуногих он не сильно разбирался, их было слишком много. Но он был готов помогать хозяйке всегда и везде.

– И я его обязательно найду. Обещаю, – выдохнула Оля, улыбаясь сквозь слезы.

– Проклятая тварь, – процедила сквозь зубы Гейра, смотря, как девчонка тискается с белым зверьком. Про гостя ей защита еще вчера рассказала, но зверь был мелким, не опасным. Она и подумать не могла, что он связан с девчонкой. Знала бы – еще ночью придавила. А сейчас уже поздно...

Поганец разрушил пару замучок, но вроде дальше продвинуться не смог. Вряд ли девчонка вспомнит слишком много. Лицо Гейры исказила гримаса ненависти. Она не переносила, когда кто-то портил ее работу, особенно такую ювелирную. И ведь было чем гордиться. Память она замутила качественно. Не каждый мэтр распутает. А чем дольше девчонка проходит с такой памятью, тем сложнее ее будет восстановить. Да и над внешностью поработала хорошо. На такую серость вряд ли кто позарится. Девчонка сможет спокойно жить и учиться.

И Гейра довольно улыбнулась. А зверь? Травануть несложно, но с ним девчонка послушнее будет. Пусть остается.

Шлейх придет вечером. Заберет обоих. А она... Займет, наконец, ремонт дома. А то уже и самой противно. Да и клиенты пугаются.

Шлейх появился в густых сумерках – осторожничал. Зашел без стука в дом. Не снимая капюшон с головы, остановился на пороге кухни, куда не добивал свет. Молча кивнул хозяйке и уставился на девчонку – та как раз ужинала.

– Стихийница? – удивился.

Гейра подтвердила, глядя с гордостью, словно девочка была ее родной дочерью.

– Возни много, – задумчиво произнес мужчина, вглядываясь в ауру девочки, и подбородок его недовольно дернул-

ся. – Ломать придется и переучивать заново.

– Она не помнит ничего, – поспешно успокоила его Гейра.

– Стихии твоей ворожбе не под властны, тут только болью выкорчевывать, – криво усмехнулся Шлейх, поворачивая к ней голову. Губы у него были тонкими, почти бесцветными, остальное лицо пряталось в тени капюшона.

Гейра похолодела.

– Не трясись, ведьма, – улыбка гостя стала шире, – не сдам. Да и девчонка понравилась мне. Хоть возни много, но дар сильный, вдобавок менталистка. Если выживет – под особый заказ пойдет. Ауру, вижу, прикрыли, как и кровь от поиска. От браслета сам избавлюсь. Молодец, что не полезла. Есть у меня один специалист по стихийным вещичкам – снимет. Деньги – как договаривались. Монетами принес.

Он достал из кармана увесистый кошель, бросил, не глядя, зная, что поймают. Такие, которые чужих детей продают, не дадут деньгам на пол упасть.

– Закончит ужинать – выведи во двор. Заберу.

Он уже повернулся, как его догнал неуверенный голос женщины.

– Есть одно, небольшое условие.

Он замер молча, угрожающе. Готовый в любой момент отменить сделку.

– Зверь с ней ментально связан. Разрыв может плохо повлиять. Тебе придется взять обоих.

Шлейх насмешливо дернул плечами. Зверь? Забавно. Кто

такой умный придумал столь странный метод обучения менталистов? Познакомиться бы...

– Хорошо, – согласился и вышел на двор. С наслаждением вдохнул свежего воздуха. Шикнул на среагировавшую на него охранку. Дом у ведьмы все же паршивый. Дышать невозможно. Дохлятиной с травами несет так, что слезы вышибает. А девчонка молодец. Ужинает себе. Ему бы и кусок в горло не полез. Значит, не из тех, кто рыдает по каждому поводу. Или жалеет себя. Хорошо.

Шлейх девчонок брал редко. Можно сказать – почти не брал. Умную стерву не так просто разглядеть в маленькой девочке, а другие ему были не интересны. Он бы и эту не взял, но заказ действительно имелся. Висел уже пару лет, только не находился к нему нужный человечек. А тут, похоже, нашелся. Заказчик тоже не торопился. Готов был хоть десять лет ждать, лишь бы с гарантией. А денег там было обещано столько... Десяток девчонок обучить можно. Но ему не нужен был десяток. Нужна была одна. Особенная.

– Не разочаруй меня, милая, – проговорил он звездам, проклянувшимся в мутном, загаженном городе, воздухе. Достал трубку. Прикурил, перешибая горький вкус ведьминого дома. И вверх, танцуя, белесой струйкой потянулся дым.

Ну а зверь... Если таширы не сожрут, пусть живет. Только сама за ним смотреть будет.

– Можешь звать меня господин директор.

Голос у мужчины был тихим, тяжелым. Он давил невидимой властью, и Оля поежилась.

Они шли по улицам засыпающего города. Здесь, вдалеке от шумного центра, предпочитали ложиться спать рано, и черные окна домов смотрели на поздних прохожих без одобрения. Высокие фонари казались строго-чопорными. Как и весь город. Чужой. Непонятный. Полный странных запахов.

Хозяйка сказала, городок называет Тайпан и находится рядом со столицей, а учиться она будет в совсем другом месте, далеко отсюда.

Оля вздохнула, прижимая к себе покрепче Снежка. Второй раз она его точно не потеряет.

Мужчина шагал широко, быстро, и девочка устала поспевать за ним.

– А как мне называть тебя? – прозвучало задумчиво и тихо.

Вопрос заставил ее обрадоваться. Имя. Короткое, простое и очень-очень родное. Еще один кусочек столь драгоценного прошлого. Она открыла рот и даже успела произнести первый звук, как мужчина резко ее остановил:

– Тш-ш-ш!

И словно печать безмолвия приклеилась к губам.

По шкурке кролика прошла крупная дрожь, Оля ощутила, что слова – это не просто слова. И, кажется, она может так же. И уж точно умеет защищаться.

Кролик на руках перестал дрожать. Ободряюще ткнулся носом в ладонь.

Девочка выдохнула, призывая спокойствие. Невидимая стена начала легко выстраиваться вокруг сознания. Давление ослабло. Дышать стало легче, а окружающий воздух словно потеплел.

– Слова бывают опасны, дитя, – голос мужчины смягчился, он словно одобрял ее сопротивление, – а имена особенно. Имя может и убить, если произнесено не в том месте и не теми людьми. Пусть имя останется тайной, как и твое прошлое. Я буду звать тебя «Пеплом». Да, имя мальчишеское, но тебе идет. Видишь ли, там, где ты будешь учиться, девочек немного. Привыкай. И не обижайся на грубость парней. Обижаться вообще бесполезно.

И он замолчал.

– А что полезно? – осмелев, спросила Оля. Она почти привыкла к давлению, которое шло от этого странного человека в черном длинном плаще, из-под капюшона которого не было видно лица. Но его одежда была чистой, а от ткани шел приятный аромат, и после липкой духоты дома чистота была особенно приятна.

Оля не знала этого человека, назвавшегося директором. Не знала, куда он ее ведет. Но чувствовала одно – мольбы и слезы здесь не помогут, а вот сила очень даже да.

«... любит сильных», – промелькнуло в голове. И она вскинула подбородок, зашагала шире. Пепел? Плохое про-

звище. Но если господину директору так нравится...

— Полезно слушать наставников и не просто слушать, а делать выводы, запоминать то, что они говорят, применять на практике. Полезно не позволять другим ученикам себя унижать, но силу применять только по разрешению. А будешь лениться...

Продолжать мужчина не стал. Оля крепче прижала к себе Снежка. Она справится. Должна продержаться, пока ее не найдет брат и не спасет. Обязательно. Он ведь старший. Или все-таки младший? Она тряхнула головой, путаясь в обрывочных воспоминаниях.

Они свернули на другую улицу, прошли еще немного и вошли в каменное, округлое здание в два этажа.

— Портальная станция, — пояснил мужчина. — Раньше запретов не было, а сейчас только мэтрам разрешены индивидуальные порталы. Говорят, мы порталами экологию нарушаем, — и он неодобрительно хмыкнул.

— Два до Эссана, — проговорил, протягивая что-то в окошко.

Эссан встретил их закатом. На багряном небе кучковались пышные, подсвеченные розовым облака.

Городок расположился на вершине холма. Узкие улочки тонули в сумерках. Вечерний воздух был напитан сладким ароматом цветов. Здесь не было высоких домов. Зато были сады. И коврики у дверей. Горшки с цветами вдоль стен до-

мов. И лавочки под окнами.

Школа еще не спала. Младших уже не было видно, зато старшие толпились группками в коридоре, опоясывавшем внутренний двор. Они громко спорили, смеялись, толкали друг друга. Несколько девочек расположились на скамейках во дворе среди кадок с деревьями. И Оля окончательно воспрянула духом. Ну школа. Подумаешь, великое дело. Учиться она любила. Кажется. И дети здесь выглядели привычно. И вели себя, как и положено детям, а не прятались испуганно по углам.

– Тебе прямо до столовой, там найдешь госпожу управительницу, она укажет комнату.

С этими словами ее оставили одну. Оля растерянно огляделась. Снежок неодобрительно шевелил ушами, косясь на чужаков красными глазами.

Не съедят, – решила Оля и зашагала в указанном направлении.

– Эй, мелкий, – окликнули ее через пару шагов. – Новенький? Упырь привел?

И тройца парней двинулась наперехват.

– А это кто? – удивился один из парней, заметив Снежка у нее на руках. – Что за зверь?

– Кроликов никогда не видел? – пренебрежительно бросил второй, цепко оглядывая новичка. – У нас, в Розмандии, таких целые поля. Только покрупнее и окрас серый.

– Звать как? – уточнил третий. Самый опасный. Стоял он,

засунув руки в карманы брюк. На лице застыло скучающее выражение. И парень явно был не прочь развлечься.

– Пепел, – хрипло – голос от волнения сбоил – выдавила из себя Оля, уже понимая, что до столовой она сегодня нормально не дойдет. Интересно, как тут за драки наказывают, потому как они со Снежком собрались драться. Кролик напрягся, ощерил зубы. Он еще пытался намекнуть на какую-то волну, которой можно по мозгам дать, но Оля не могла вспомнить, как ее сделать.

– Зверя дай поддержать, – один из парней протянул руку, и тут же с криком отдернул – на пальце отпечаталась пара острых зубов, быстро налившихся кровью.

– Ах ты гад! – замахнулся он на Снежка. Оля увернулась, приготовившись ударить – жар уже просился наружу, но тут из-за колонны к ним шагнул еще один парень. Встал между ней и остальными, и Оля уткнулась взглядом в его спину. Форменный китель парень снял и был в одной черной рубашке.

– Делать нечего к девчонке цепляться? Или давно в подвале не сидели? – уточнил он, складывая руки на груди.

– Девчонке? – взвизгнул пострадавший, слизывая сочившуюся из глубоких ранок кровь.

– Ослеп? Или помочь зрение улучшить?

Напряжение, сгустившись, повисло в коридоре. Их скандал привлек внимание, и вокруг начал собираться народ.

Но стоять вот так за спиной было неловко. Да и парень

один против троих...

– Может он плохо видит и мне ближе подойти? – спросила Оля, обходя своего защитника и вставая рядом. Тот повернул голову, удивленно вскинул брови. Оглядел озадаченно.

– Спину прикрою, – доверительно прошептала ему Оля. И парень неожиданно расхохотался.

– Ну, мелочь... Даешь. Спину она мне прикроет! Ты мне до груди даже не достаешь.

– А я прыгучая и верткая, – горячо заверила его девочка. Парень ей понравился. Темноволосый. Глаза черные. Веселые.

– Смотри, Ветер, какой у тебя защитник появился, – хотнул кто-то из толпы, – тебе теперь даже наставник Хе не страшен.

– Да ну вас, темные, – отмахнулся парень и потянул девочку за плечо. – Идем, провожу, а то кто-нибудь еще прицепится. Луча теперь бойся. Он злопамятный. И за кроликом смотри. Залезет куда не следует – таширы сожрут.

ГЛАВА 4

– А кто такие таширы?

Они неспешно шли по открытой галерее, обрамлявшую внутренний двор школы. Спину девочки щекотали любопытные взгляды.

– Таширы – стражи школы. Оживленные, – Ветер охотно отвечал на ее вопросы. – Охраняют территорию по ночам и

следят за порядком. Здесь есть несколько закрытых зон. Туда и днем нельзя ходить. Воспитатели потом покажут. Если честно, впервые кому-то разрешили притащить с собой питомца, – и парень озадаченно покачал головой, потом спросил: – Упырь уже дал тебе имя?

– Пепел, – отозвалась девочка.

– Повезло. Видать, настроение хорошее было. Мог и похуже чем назвать. У нас и Тыква есть и Стекло, и даже Дырка.

Они поднялись по ступеням вверх, вошли в просторную анфиладу, и Оля восхищенно закрутила головой. Стены коридора были увешаны часами разной формы, расцветки. Встречались как совсем простые, так и со сложным узором, были даже со странными животными наверху. Только вместо времени на циферблатах стояли занятия, уроки, у кого-то красным горели надписи, намекая, что это наказание.

– Впечатляет, да? – улыбнулся Ветер, довольный ее реакцией. – Это следилки с расписанием. У каждого ученика своя собственная. Когда тебя внесут в списки, не забудь проверить часы. И почаще с ними сверяйся. За опоздания здесь наказывают.

Дверь в столовую обнаружилась аккуратно за стеной с часами и охраняли ее две темно-серые статуи животных: вытянутые морды, длинные уши, мощные лапы.

Привычный к ним Ветер прошел, не заметив, а вот она задержалась и подскочила в испуге, когда правая статуя вдруг дернула носом. А потом алый язык скользнул, облизываясь,

по зубам. Девочка поспешно рванула за провожатым. Рядом с Ветром было спокойнее.

В столовой их встретила высокая сухопарая женщина. Ее темные волосы были забраны наверх, перевязаны бархатной лентой в плотный пучок и зализаны так, что ни один волосок не торчал наружу. На длинном лице нашли свой отпечаток прожитые годы, а слишком выдающийся нос делал хозяйку похожей на птицу.

При виде парня тонкие брови женщины неодобрительно взметнулись вверх.

– Ветер, только не говори, что проголодался!

– Никак нет, госпожа управительница, – бодро отрапортовал парень, вытягиваясь по струнке, – я привел к вам новенькую. Пепел, – и он подтолкнул девочку вперед.

Взгляд серых глаз цепко впился в Олю. Потом скользнул ниже.

– А это что такое? – с брезгливым потрясением уточнила женщина, указывая на Снежка.

– Господин директор разрешил взять его с собой, – девочка притиснула кролика к груди, и тот полузадушено пискнул.

Управительница глянула так, что стало ясно – обоим не жить.

– Я сам видел – они вместе пришли, – снова влез Ветер, явно поставив себе цель собрать как можно больше неприятностей за сегодня.

Во взгляде женщины промелькнули сомнения напополам

с раздражением.

– Допустим, – она склонила голову. Прощлась рукой, отряхивая невидимую пылинку с длинной темно-зеленой юбки. – Я уточню у господина директора завтра утром. Пока можете остаться, – и подчеркнула: – Оба.

Оля незаметно перевела дыхание, разжимая стиснутые пальцы.

– Идем, – позвала женщина. Оля помахала на прощанье Ветру, поймала его улыбку и с легким сердцем пошла за управительницей.

– Меня зовут госпожа Лирьяра Горра. Зови меня госпожа Горра или управительница, – тепла в голосе женщины не прибавилось. Оля представила, какому по счету ученику она это говорит и поняла, что требовать участия к каждому невозможно. – Сейчас я покажу тебе комнату. Сегодня уже поздно для правил. Так что переживи эту ночь и завтра поговорим.

И было непонятно – шутит она или всерьез.

Еще этот коридор... Старый, темный, с разохшимися кое-где деревянными панелями и странным, тусклым светом от стеклянных колб.

– Тебе повезло. Девочек в этом году не набрали в твой класс, будешь одна.

Оля посмотрела с недоумением. Что хорошего в том, чтобы учиться одной среди мальчишек?!

– Жить в комнате одна будешь, – пояснила госпожа Горра,

заметив ее недоумение.

Они поднимались по скрипучей лестнице на третий этаж. И снова статуи. На этот раз в углах на лестничных площадках. Лохматые животные с квадратными мордами стояли на задних лапах и выглядели изготавившимися к атаке.

Оля на всякий случай обошла их стороной.

– С соседками по этажу потом познакомишься. Сегодня тебе лучше никуда не ходить, – предупредила женщина, открывая первую на третьем этаже дверь. Щелкнула пальцами, и под потолком зажегся свет.

Оля заинтересовано огляделась. Шесть кроватей. Столы в центре, сдвинутые вместе. Какой-то мусор по углам. Стены, выкрашенные в грязно-розовый. Нет, когда-то он был нежно-розовый, но теперь просто грязным. Паутина в углах.

– Комнату в порядок привести. Стены отмыть, мусор убрать, – в голосе женщины появились устало-стальные нотки. – Срок три дня. Проверю. Старшая на этаже Родник. К ней обратишься за ведром и тряпками. Магию не применять. Паука видишь? – и она ткнула пальцем на что-то маленькое и мохнатое в углу. – Он питается силой. Будешь магичить – вырастет и сожрет. Поняла?

Оля не поняла. Она вообще имела смутное представление о том, кто такой паук, но не верить причин у нее не было, так что она кивнула.

– Хорошо, – равнодушно похвалила ее управительница. – За той дверью – ванная комната. Белье возьмешь в шкаф.

Там же висит форма. Оденешь завтра утром. А теперь спать. Живо.

И она легонько хлопнула по стене, приглушив свет – наверху остался гореть слабый огонек, и комната сразу стала в два раза больше и страшнее.

Хлопнула дверь – Оля осталась одна. Она положила кролика на пол, и тот заскакал по комнате, обнюхиваясь и осматриваясь. Сняла с плеча сумку.

Полотняную сумку ей выдала Гейра. Она же разрешила набрать сухой травы для кролика, дала пару яблок, морковки и подарила букварь. С ним, уча буквы, девочка и просидела целый день. Так что был шанс, что завтра утром она сможет кое-как прочитать расписание на часах.

Первым делом Оля устроила лежанку для кролика, вытащив из шкафа забытую там коробку. Как временное решение пойдет, дальше надо будет что-нибудь придумать. Затем наведася в ванную комнату. Вздохнула при виде грязи и запустении. Три дня? Она и за неделю тут не управится. Достала из шкафа чистое постельное белье. Там же нашелся смешной комплект, состоящий из штанов по колено и длинной рубашки. Нежно-голубой цвет в горошек намекал, что в этом надо спать.

Свет выключать было боязно. Взгляд то и дело возвращался к углу, где засел страшный паук, жрущий магию. Но Снежок, обскакав территорию, заверил, что поводов для тревоги нет.

– Если этот, – девочка кивнула в сторону паука, – дернется – просто дави его лапами, – и стукнула ладонью по стене, полностью выключая свет.

День был долгим. Она чудовищно устала, и ни одно чудовище сейчас не могло испортить ей сон. Засыпать начала, едва коснулась подушки. На кровать прыгнул, приминая одеяло, Снежок, и она подгрребла его рукой под бок, проваливаясь в сон.

Проснулась мгновенно от ткнувшегося в щеку холодного носа. Замерла в тревоге, прислушиваясь и уловила шорох, идущей со стороны двери. А ведь там, в углу, был паук. Тот самый. Жрущий детей по ночам.

И страх навалился, стиснул горло, спутал ноги. Но дать себя сожрать Оля не собиралась никому – обойдутся. И прежде, чем она успела додумать эту правильную мысль, огонь сам сорвался с ладоней в темноту, ударив в приоткрывшуюся в этот момент дверь. Яркой струей, ослепляя, прочертил по комнате узкий поток пламени. С той стороны заорали. Причем скорее удивленно, чем испуганно. Пахло паленым, а потом пламя растеклось по радужной поверхности щита. За щитом заплясали тени. Послышался рассерженный шепот, а потом оттуда зло предупредили:

– Эй? Хорош! Сейчас школу на ноги поднимем и всем прилетит по самой нестабильности.

Оля даже не сразу поняла, что пауки не разговаривают. Снежок подбил под локоть, встряхивая из ступора, и она от-

пустила пламя.

Ослепленно заморгала – перед глазами прыгали желто-алые пятна.

Тишина молчала, только сопела выразительно, потом уведомила:

– Мы заходим.

– Без глупостей.

Оля по привычке щелкнула пальцами, создавая в воздухе, над столом, небольшой световик. Темнота тут же отступила, съезжившись тенями по углам, и тишина наполнилась грохотом падающих на пол тел.

Оля сидела на кровати, смотря на разлегшихся в разных позах парней, прикрывших руками головы. Парни выжидали непонятно чего. Оля тоже не торопилась знакомиться.

– Вот же сдыхла! – выдохнул, наконец, один из них, и все дружно зашевелилось, поднимаясь, не забывая при этом опасно коситься на висящий над столом шарик света. Комната наполнилась гулом раздраженных голосов.

– Послали ж тени стихийника...

– Да, заземли его в навоз!

– Что он вообще тут делает? Это же женский этаж!

И все дружно уставились на девчонку, державшую на коленях кролика.

Парней было восемь. Все со старших классов. Рослые, здоровые, но Оля не чувствовала страха просто потому, что парни были понятными, в отличие от каких-то там пауков.

– Ведьма? – с подозрением протянул один.

– С чего взял?

– Так фамильяр же.

– А огнем она ведьминским в тебя запулила? – и рыжий парень с насмешкой ткнул в подкопченную макушку соседа. Тот с ругательством принялся ощупывать голову.

– Пригibasь быстрее надо и щит выставлять, – жестко заметил еще один, похоже, главный. – Хорошо, хоть поглотитель сработал. Никого не разбудили. Ты! – он уперся взглядом в девочку. – Что вообще здесь делаешь? Почему не в общей комнате? И кто дал тебе право огнем в честных людей швыряться? Совсем ограничители потеряла?

– Так стихийники все такие... – заметил стоявший у двери парень, – звери, а не люди. Всегда готовы либо поджарить, либо утопить, либо в землю закопать. Не понимаю, как Упырь не побоялся ее в школу притащить. Она ж нам тут все разнесет. Дикая совсем.

Тут Оле стало обидно за себя и за всех стихийников разом.

– Меня госпожа Горра здесь поселила. Одну, – ответила с нажимом, давая понять, что комната ее и она готова драться за нее, если потребуется. – А если кому-то холодно стало, могу подогреть...

Ответить главарь не успел. Парень, стоявший у двери, дернулся и с криком:

– Гаси фонарь, – рванул к ближайшей постели.

В комнате словно вихрь пронесся – парни торопливо занимали кровати. Всем не хватило, и где-то пришлось уместиться двоим.

Оля едва успела убрать Снежка с траектории падения тела, а потом ее придавило рухнувшим сверху парнем. В ухо ударил горячий злой шепот:

– Жить надоело?

И она поспешно погасила световик. Дернулась было выползти, но ее вдавили в кровать, рыкнув:

– Спать!

В комнате воцарилась напряженная тишина, старательно – кто-то даже похрапывать начал – делающая вид, что все спят. Давно и сладко.

В сопение и храп вклинилось цоканье. Когтистое такое. Намекающее на скорые неприятности. Сопение усилило напор, в храпе явственно прорезались панические нотки.

Оля выдохнула, заставив себя дышать ровно и даже глаз прикрыла. Один. Интересно же...

Цоканье приблизилось, остановилось на пороге. Подумало немного и двинулось в глубь комнаты, замерев в пятне оконного света.

Оля скосила взгляд. Это был зверь из столовой. Тот, кого она за статую приняла. Длинное поджарое тело сейчас было вытянуто и напряжено, нос активно принюхивался, а глаза явно видели в темноте. Взгляд прошелся по правой части комнаты, по левой... вернулся в центр. Оля в испуге зажму-

рилась и даже дышать перестала.

Снова раздалось цоканье когтей. Зверь обошел комнату, пройдя совсем близко от кровати, потом звук стал удаляться. Тихо стукнула дверь, и в комнате повисла тишина.

Некоторое время все просто лежали, замерев и прислушиваясь, а потом отчетливо прозвучало басом:

– Убери от моей груди лапы, извращенец!

– А это грудь? – хохотнули в ответ. – Я думал живот. У тебя же все одинаковое!

Тишина зашевелилась, наполнилась движением, смешками. Кто-то жаловался, что ему руку отдавили. Кто-то торопливо выдыхал: «Пронесло».

Стукнули по стене, зажигая ночник.

Оля дернулась, но парень и сам сполз, сел на кровати, опершись рукой через девочку.

– Так откуда ты такая взялась, – спросил строго, – и почему Грымза тебя в нашу комнату поселила?

Вот тут Оля рассердилась. «Нашу»! Свою комнату она не собиралась отдавать никому.

– А ты сам у нее спроси! – буркнула, садясь на кровати и с вызовом глядя в лицо парня.

– Так это правда, что за тебя вчера Ветер вступился, а ты его потом защищать полезла? – уточнил главарь, насмешливо вскидывая бровь. Ну да... выглядела она смешно со своим вызовом: мелкая, встрепанная, в дурацкой пижаме в горошек. – Ладно, – принял он решение, – давай жить без про-

клятий?

Оля выразительно промолчала.

– Меня Туман зовут, – парень протянул ей руку. Девочка недоуменно на нее посмотрела. Что-то такое забытое шевельнулось в памяти...

– Совсем дикая, – покачал головой Туман. Был он рослый, со светлой шевелюрой, светлыми глазами, квадратным подбородком и резкими, будто высеченными из камня, чертами лица. И сила в нем чувствовалась немалая...

– А я Огонек, – рыжий парень широко улыбнулся, усаживаясь на пол рядом с ее кроватью, – вообще-то Огонь, но Огонек мне больше нравится, – и он подмигнул ей зеленющими – прям как молодая листва – глазами.

– Никак жену себе присматриваешь? – с ехидной ухмылкой поинтересовался брюнет. – Из вас бы вышла отличная парочка: она огневик, а ты Огонек.

– Схлопнись, Балабол, – огрызнулся рыжий, но брюнет продолжил противно так ухмыляться, точно застал их за чем-то неприличным.

– У окна, вот тот, полненький, Конфета, – продолжил представлять парней Туман, указывая на них рукой, – там Лист, это Шершень, с ним рядом два брата: Левый и Правый.

Оля кивала, пытаясь запомнить и не сразу поняла, почему все выжидательно на нее смотрят.

– Пепел, – спохватившись, представилась сама.

– Что у Упыря не отнять, так это умение видеть нужное

в людях и давать им имена. Мне даже интересно, что завтра покажут часы, – проговорил Огонек.

– Часы? – удивилась девочка.

– Понимаешь, они... – начал было объяснять Туман, но махнул рукой: – Сама завтра увидишь. Что касается нас... Комната давно пустует, вот и мы стали здесь собираться. Ничего такого... Поболтать, поиграть, – один из парней подкинул в воздух колоду карт. – Днем мы все время под присмотром воспитателей, вот и расслабляемся здесь... Если ты не против... Мы мешать не будем. Заглушку поставим. Спи.

Оля задумалась. Парни ее не пугали. Откуда-то пришла уверенность, что для нее привычное дело общаться с ними. У нее же был брат, а у того друзья...

– Хорошо, – приняла решение девочка, и парни облегченно выдохнули, – но у меня есть условие.

– Говори, – протянул, прищурившись, Туман.

– Управительница дала три дня на уборку. Если поможете – собирайтесь здесь, я не против. Только не шуметь и не мусорить.

– Убираться?! – возмутился Лист.

– Балабол, ваша команда эту неделю дежурит по этажу? – спокойно уточнил Туман. Парень кивнул. – Тогда все, кроме Балабола, приходят сюда на час три вечера подряд. Комната действительно большая, тебе одной не справиться. Мы поможем. А теперь спать, – приказал он. Парни уже рассаживались за столом. И Оля только сейчас заметила эту стран-

ность: кроватей в комнате было шесть, а стульев – восемь. – Мы привычные, а тебя завтра накажут, если зевать на уроках будешь, – и он легонько толкнул девочку в плечо, заставляя упасть на подушку. – Спать, – повторил, вставая и активируя щит.

Некоторое время она лежала, смотря как за невидимой стеной парни перекидываются картами, как ржут, делают ставки цветными кристаллами. Удивительно, но лежать вот так... С соседями... Было уютно.

В голове бродило всякое... Думалось, почему ташир им поверил? Видимо не знал, что комната должна пустовать, точнее в нее поселили лишь одного человека. Значит, таширы не так и умны, и их можно обмануть.

Еще думалось, как завтра она будет учиться – она едва буквы успела выучить.

И почему все так бояться ее огня? Странно. Для нее владеть огнем было так естественно, но парни перепугались всерьез. И это она еще их водой не окатила...

Потом тишина и полумрак навевали грусть, и сердце стиснула тоска. Она не помнила лица, не помнила голос, но знала – мама каждую ночь приходила желать ей сладких снов. Что-то рассказывала, сказки, наверное. И сейчас от понимая, что никто не придет, не погладит по голове, не скажет что-то теплое и хорошее, защипало глаза.

Оля поморгала, прогоняя слезы. Отвернувшись к стене. Прижала к себе Снежка, утыкаясь в него мокрым лицом.

Сейчас она была даже рада, что разрешила парням остаться. С ними неудобно было плакать, а слезами – это она знала совершенно точно – делу не поможешь, и маму не вернешь.

Кролик недовольно затряс ушами, не одобряя мокроту, потом уютно засопел под боком. Оля позавидовала пушистому спокойствию, а потом сон сморил и ее.

– Что думаешь? – Огонек покосился на спящую девчонку. – Случайно?

– Стихийница? Случайно? – насмешливо фыркнул Туман. – Скажи это моей бабушке. Упырь не стал бы связываться, не имея на нее планы. Да и девчонка не отсюда. Мыслевиком пользуется, многого не знает. Браслет видел? Родовой. Не знаю, откуда Упырь ее взял, но явно не с улицы.

– Не сходится, – покачал головой Лист. – Зверь у нее местный. У стихийных миров обычно своя фауна, не похожая на нашу...

– Ладно, парни, что гадать? Захочет – расскажет.

– Жалко ее, – протянул Огневик, – забавная она...

– Ну так пойди Упырю это скажи, – разозлился Туман, – может, он ее отпустит. Здесь каждого второго жалко, – и он бросил свои карты на стол: – Я пас.

«Когда тебе в ухо жарко дышат, утро становится бодрым без всякого кофе», – подумалось Оле. Первую часть она только что придумала сама, вторую частенько говорил дядя Кайлес, когда у него в очередной раз что-то случалось, при-

чем с самого утра.

Она несмело открыла глаза и попыталась нырнуть под одеяло с головой. Вблизи зубы у ташира оказались еще более внушительными, чем издалека, а нависшая морда явно не была настроена дружелюбно.

Сразу вспомнилась ночная посиделка парней, и в голове стало жарко от панических мыслей. О них все-таки узнали и теперь пришли разбираться?

Ее попытку спрятаться не одобрили. Во взгляде черных глаз промелькнула укоризна, и зверь зубами подцепил край одеяла, потащил вниз. В бок стукнуло – Снежок, успевший спрятаться под одеяло, в панике пополз в сторону ног.

– Тебе чего? – шепотом осведомилась Оля, испугавшись за друга. Снежок такой страхолюдине на один зуб...

Тварь молча тащила одеяло вниз. Еще и глядела так выжидательно... как на дурочку.

Оля даже неудобно стало. Кролик трясся уже где-то в ногах.

– Мне вставать? – наконец, догадалась она. Ташир кивнул, отпустил одеяло и перестал дышать. Совсем. Похоже, сопение было частью ритуала побудки.

От облегчения – все не так страшно, как показалось – Оля осмелела.

– А ты милый. Огромный, конечно, и зубастый. У нас вроде похожие звери водятся, – болтала она, садясь на кровати. От пережитого язык перестал подчиняться, и она говорила

первое, что приходило в голову. – Спасибо, что разбудил. А то ведь проспала бы. Первый день, знаешь, как важен.

Зверь нерешительно покосился в сторону двери, словно раздумывая, не пора ли отделаться от болтливой девчонки.

– Ой, надо же! – обеспокоенно всплеснула Оля руками. – У тебя колючка застряла. Вон, какой колтун собрался. Давай уберу?

И она смело, не задумываясь над последствиями, потянулась снять колючку с загривка. Зверь застыл с остановившимся взглядом.

Оля аккуратно, стараясь не дергать за шерстинки, распутала колтун, вытащила колючку. Ей нравилось узнавать о себе прежней что-то новое. Вот и сейчас она явно делала что-то знакомое... Потом не выдержала, зарылась пальцами в шерсть. Та была жесткой и слегка царапала кожу. Нетрудно было представить, как днем она каменеет, вместе с хозяином превращаясь в статую.

Оля пробежалась пальцами вверх, добралась до стоящих торчком ушей. Поймала ошалелый взгляд круглых от удивления глаз и только тогда опомнилась. С досадой на себя убрала руку.

– Прости. Я, наверное, привыкла... Ну я не помню, но, похоже, у меня были животные...

Ташир моргнул. Наморщил лоб, задумался...

Было странно видеть, как на неподвижной морде внезапно прорываются эмоции, словно кто включает их изнутри. Как,

например, дыхание.

Зверь тяжело вздохнул, бока поднялись и опустились, хотя до этого – Оля могла поклясться – ташир не дышал.

– Прости, – еще раз извинилась Оля, ругая себя... Полезла к стражу школы, словно тот обычный питомец! Если сейчас ее начнут жрать, заступится ли кто-нибудь? Может, трогать ташира тут категорически запрещено?

Зверь внезапно нырнул головой вниз, ткнулся носом в руку, а потом уложил свою вытянутую башку ей на колени.

У девочки перехватило дыхание, накатило восхищение и еще что-то такое теплое. Словно она друга встретила: давнего и очень любимого.

– Ты такой красивый! – искренне очаровалась она, нежно обхватывая пальчиками уши. Черные глаза ташира блаженно сощурились...

В коридоре у столовой было многолюдно. Кто-то успел уже позавтракать, кто-то еще торопился поесть. Оля нервно поправила юбку. Проверила пуговичку у горла. Форма здесь была черно-серой. Серый низ, черный верх. Брюки носили как девочки, так и мальчики. Многие одели рубашки с коротким рукавом – день обещал быть жарким. Брюки были и в Олином шкафу, но она постеснялась их надеть. Вообще, там был с десяток комплектов под бытовыми заклинаниями: разного размера, но примерно на один возраст.

– Вижу справилась, – вместо приветствия с одобрением

сказала ей госпожа Горра, – хорошо, что я тебе стража отправила. Сегодня внесем в списки, обновим заклинания в комнате, побудка начнет работать, а пока быстро на завтрак. Господин директор проверит твой уровень. Так что после еды отправляйся к нему в кабинет. Спросишь – тебе покажут.

Проговорив все это и не став дожидаться хотя бы кивка, что сказанное услышано, управительница заторопилась по своим делам.

«Она не знает», – выдохнула с облегчением Оля, думая в первую очередь о том, что уже нарушила правила, разрешив парням собираться в ее комнате.

У стены с часами она невольно замедлила шаг. Взгляд заскользил по поверхности... Здесь всегда было много народу, но сейчас толпа была особенно плотной.

– Эй, – ее стукнули по плечу, – ты же новенькая, да? Тогда это твои, – и ее потащили в самую толпу, народ расступился, ее подтолкнули так, что она оказалась перед часами.

Пожалуй, теперь ее точно запомнят. Хотя бы по часам: прям-таки вызывающего ало-песочного окраса с вкраплениями голубых камней, с парой чешуйчатых зверей по бокам и вычурно украшенной короной наверху.

– Так ты у нас принцесса? – в спину донесся завистливый смешок.

– Угу. Принцесса-дикарка.

Зависть всегда рождает злобу. Даже намек на то, что она может оказаться принцессой настроит половину школы про-

тив нее. Теперь ей будут старательно доказывать, что она просто пепел... который можно втоптать или развеять.

И нет смысла что-то объяснять...

Она побоялась, что ее не выпустят, но толпа расступилась, позволив вырваться на свободу, и девочка поспешила на завтрак.

Какая разница, что там изобразили часы... Она все равно ничего не помнит.

У дверей Оля чуть задержалась, приветливо кивнула стражу. Тот не ответил, продолжая старательно изучать пустоту перед собой. Она не обиделась. Служба есть служба и не маленьким девочкам ей мешать. Хотя приятно было думать, что у нее появился маленький такой секрет, точнее немаленький, с острыми ушами и белоснежными зубами.

Столовая уже наполовину опустела, и Оля уверенно направилась к раздаче. Ошибиться было сложно: окно в стене и отходящий от него пацан с подносом.

Кролик закопошился в сумке, учуяв запах еды, и Оля подумала, что надо будет днем выпустить его погулять.

– Новенькая? – сумрачно осведомилась женщина. Оля задрала голову – повариха возвышалась над ней, наполовину высунувшись из окна – чисто скала. Густые брови грозно сдвинуты к переносице. На верхней губе пробивается черная поросль. Волосы убраны под серый колпак. А поварешка в руке кажется детской игрушкой.

Оля кивнула, на всякий случай отступая.

– Держи.

Поднос словно из воздуха появился. Пара тарелок. Булка, посыпанная белым. На вид все съедобное и пахнет неплохо.

– Чай там, – женщина мотнула головой в сторону железного шкафа, потеряв к девочке интерес – в спину уже дышал следующий ученик.

Поднос Оля забрала и направилась к свободному столу, но дойти не успела. Что-то ударило по ноге, заставив запнуться, покачнуться – поднос она едва успела опустить на ближайший стол, но часть еды из тарелки выплеснулась на стол и на сидевшего за ним парнишки.

– Ах ты ж бездна! – подскочил тот, судорожно отряхиваясь, но жидкая каша не желала стираться с черной рубашки, оставшись на ней белесыми пятнами.

Оля с досадой прикусила губу. Как же так?! Поела, называется.

Уши загорелись от стыда.

– Смотрю, мелочь, ты еще и неуклюжая? – ее с силой – аж рука занемела – шлепнули по плечу. Она обернулась. Луч стоял, скалясь во все зубы. Рожа такая довольная, словно подарок себе сделал.

– Ты! – выдохнула она со злостью, мгновенно понимая, кого благодарить за «прекрасное» утро.

– Чем докажешь? – погано ухмыльнулся Луч, и не думая отрицать. – Чернышу теперь рубашку должна. Постирать, – и улыбка стала в два раза гаже.

Если до этого момента Оля так и собиралась сделать – не привыкла бегать от ответственности, то теперь все благие помыслы вылетели из головы.

– Сам стирай! – бросила зло, чувствуя, как вскипает внутри раздражение, и огонь просится наружу. Пусть ее накажут за применение стихий. После. Когда обидчик получит свое.

– Луч, смотрю ты так и не...

– Что тут происходит?

Оба голоса прозвучали одновременно, и Луч растерянно заморгал, стирая улыбку с лица.

Оля посмотрела направо – Туман. Смотрит на нее с недовольным прищуром, точно это она что-то натворила. С другой стороны к ним подходил Ветер, и на его лице – отражением – читалось такое же недовольство.

Оля стиснула ладони, внутри горечью растекалась обида, и она внезапно почувствовала себя на самом деле виноватой, словно лично цапнула парня за руку, еще и подножку поставила. Тоже сама.

– Думаю, я смогу объяснить, – неожиданно подал голос парень, пострадавший от полета каши. – Спотыкун. Я след поймал. Не успел предупредить или развеять. Не думал, что она не заметит, – и он виновато пожал плечами.

– Ты нарушил правило, – тяжело произнес Туман, глядя на Луча, и тот занервничал, но оправдываться не спешил. Бросился в атаку:

– И что такого, что девчонка? Поучить нельзя? Пусть при-

выкает. У нас здесь не девчачьи посиделки. Чем раньше поймет, тем лучше.

Туман неодобрительно вздохнул, пожевал губу.

– Не тебе учить, Луч. За собой следи – у тебя уже три предупреждения, – Ветер шагнул вперед, поймал взгляд Луча, бросая вызов. Пауза сгустилась напряжением. Повисла – шаг до драки, мгновение до удара. Луч не выдержал первым, отступил, бросив истеричным фальцетом:

– Возитесь с ней словно с артефактом. Ну и пыль с вами, – психанул. Прошел, едва не задев плеча Ветра. Весь нескладный, худощавый, из острых углов составленный.

Парни оценивающе посмотрели ему вслед, потом их взгляды скрестились на девочке.

– Я предупреждал – смотреть в оба, – с досадой проговорил Ветер. – Как можно было спотыкуна не заметить?! Все обошли, одна ты вляпалась.

Оля пожала плечами. Она его не видела. Честно. И вообще не представляла, как этот спотыкун выглядит.

– За такое, – Туман кивнул на пол, – наказывают обоих. Мне-то все равно, а вот тебе подвал точно не понравился, – и он поморщился так, словно вспомнил что-то неприятное.

Ветер нахмурился, уставился вопросительно на Тумана.

– Да так, – неопределенно отозвался тот, придав лицу скучающее выражение, – мимо проходил.

И кивнул Оле:

– Бывай.

Ветер повернулся к Оле, прищурился с подозрением. Вгляделся в лицо девочки, ища ответ, но та смотрела недоумевающим взглядом совершенно честного человека, и парень с досадой покачал головой.

– Туман не тот человек, чтобы... – начал было он, но оборвал себя, махнул рукой и поторопил: – Завтрак скоро закончится. Черныш, у тебя претензии есть?

Парень, который действительно напоминал черноту от жгуче темных волос, до загорелого оттенка кожи, помотал головой:

– Мелкая же, вдобавок новенькая... Считай, разошлись.

Ветер одобрительно кивнул, поднял поднос со стола, отнес на пустой соседний.

– Идем покажу, где чай налить, – и он зашагал к железному шкафу.

Оля смотрела, как из трубочки в кружку льется кипяток желтого цвета.

– Это магия? – спросила удивленно.

– Правда, дикая, – насмешливо фыркнул парень. – Это технологии. Просто чай из чана. Поздно пришла. Уже разбавленный достался. Магия – это твоя способность привлекать внимание. Таких тут наказывают чаще остальных.

– Ну и пусть, – самоуверенно заявила Оля, – зато этот бы больше не лез. Я бы сама с ним разобралась, но за помощь спасибо.

Ветер насмешливо вскинул брови, однако спорить не стал.

– Считай, мы квиты. Ты мне вчера знатно настроение подняла. Давно так не веселился. Больше на меня не рассчитывай. Тут каждый сам за себя. Ну или в компанию можно прибиться. Только тогда служить придется. Главарию.

Внутри внезапно поднялась такая волна протеста, что Оля прикусила губу, удерживая дар под контролем.

Служить? Кому-то? Ни за что!

– Ну я так и понял, – прочитал по ее глазам ответ Ветер. – Тогда просто не высывайся. С Лучом я сам разберусь. Достал он меня. Главное, больше врагов не заводи и зверя своего держи при себе. Если он кого-то еще покусает...

И парень многозначительно замолчал.

После завтрака Оля чуть задержалась на лужайке внутреннего двора. Съев половину булочки, Снежок захотел прогуляться. Занятия уже начались, так что во дворе было пусто и тихо, только сверху, из окон классов, доносились далекие голоса.

Девочка со вздохом оглядела несколько деревьев в кадках. Выгоревшую на солнце траву, еще и знатно потоптанную. Нда... есть Снежку тут было нечего. И это было еще одной проблемой...

Кабинет директора находился на первом этаже.

Здесь, в отличие от очень простой – голые стены – столовой, было красиво. На стенах висели картины. Часть угла оплел вьюн. Под окном выстроились стулья – видимо для посетителей. На полотке – богатая лепнина. Школа пыталась

выглядеть солидно. Но не дотягивала. Лепнина кое-где облупилась. Плющ пестрел увядшими листьями. Даже картины выглядели грустно из-за слоя пыли на них.

Оля выдернула себя из размышлений о том, есть ли у школы проблемы с деньгами или временем навести порядок, и постучала в дверь.

Получила разрешение войти.

– Присядь, – тихим голосом произнес мужчина, не поднимая головы от бумаг, и ноги девочки сами понесли ее к посетительскому стулу.

Она раздраженно отмахнулась от навязанного приказа, засопела недовольно.

– Молодец, – так же безэмоционально похвалил Упырь, – менталистику однозначно будем развивать, а вот со стихиями придется что-то сделать. Но сначала... – он поднял голову, глянул на нее своими светлыми, почти прозрачными глазами и девочка поспешно отвела взгляд. Нет, мужчина не был безобразен. Черты лица его были правильными, но все портили до голубоватой синевы цвет кожи, незаметные брови, ресницы и светло-голубые глаза. Волос не было. На бритом черепе чернела татуировка: незнакомый символ.

Оля положила руки на колени, сжала пальцы, сдерживая дрожь. Теперь было понятно, почему «Упырь». Директор выглядел выходцем с того света.

– Сначала, – повторил он задумчиво, – нам надо снять твой браслет.

Оля растеряно коснулась тонкой полоски на коже. Браслет был небольшим, но красивым – со сложным узором мелких камней и расставаться с ним было откровенно жаль.

– Мастер, прошу, – пригласил директор.

Оля, вздрогнув, посмотрела на шагнувшего к ней из угла мужчину. Надо же... она его и не заметила. Гость носил темно-серый комбинезон, рыжие волосы были перехвачены на затылке лентой, на голове странные очки.

– Руку, – проскрипел мастер, раскрывая черный футляр.

Оля продолжила сидеть, напряженно рассматривая странное приспособление.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя нашли? – смягчил голос Шлейх. – А браслет – это след.

Оля сомневалась. Нашли? Смотря кто. Брата она бы очень хотела увидеть. И маму. И отца. Да, точно. У нее был отец. Но готова ли она встретиться с врагами?

– Вы научите меня защищаться? – спросила, подняв голову и смело встретившись со взглядом Упыря.

Тот понимающе усмехнулся и согласно кивнул.

– Можешь не сомневаться.

И она решительно положила ладонь на футляр.

ГЛАВА 5

С браслетом мастер возился долго. Что-то там шептал, водил руками. Чужая магия неприятно колола кожу. Потом он достал трубку, из которой ударил тонкий язычок синего пла-

мени.

– Не дергайся, – предупредил мужчина.

Внутри что-то заныло, заскреблось... До слез. Словно еще одна ниточка рвалась с прошлым, и она сама согласилась на это.

Но директор прав. Если кто-то желает уничтожить ее семью, сейчас она ничего не сможет с этим сделать. Но в будущем сделает. Обязательно. Станет сильной. Будет старательно учиться. И тогда сможет вернуться домой и одолеть всех врагов.

Оля выдохнула, когда язычок пламени коснулся браслета, а кожа вокруг заледенела под наложенным защитным заклинанием. Выдохнула, обещая себе, что потеря браслета не помешает ей вернуться домой.

– Вот и все, – мастер щипцами аккуратно подцепил разомкнутый браслет, и тут сверкнуло, грохнуло, запахло озоном.

Мастера отшвырнуло к стене, впечатало так, что сверху, задрожав, рухнул вниз портрет солидного вида мужчины.

Директора протащило по полу до стула, там и уложило на пол.

Резко запахло дымом.

– Вот же сдыхла! – донеслось разъяренное из-под портрета.

Шлейх уже поднимался, поспешно гася начавший тлеть пиджак. Он ничего не сказал, но взгляд его был более чем

красноречив.

– Вечно эти стихийники какую-то подлянку подложат напоследок, – принялся поспешно оправдываться мастер, снимая очки и с огорчением разглядывая треснувшее стекло.

– Вечно вы торопитесь, – вздохнул директор, посмотрел на девочку и приказал, растеряв все любезность: – Третий класс. Живо. Зверя оставить в комнате.

Оля вылетела из кабинета. Положила руку на дрожавшего от испуга Снежка. Погладила, успокаивая и отправилась к себе.

Сначала долго не могла найти нужную лестницу – полшколы обошла, пока обнаружила, поднялась на третий этаж.

– Вода у тебя есть, яблоко тоже, – перечисляла Оля, поправляя подстилку из сена, кролик выразительно посмотрел на ее постель. – Никуда не смей выходить из комнаты, понял? Вмиг сожрут. Жди, в обед забегу – принесу вкусного. А вечером пойдем погулять.

Снежок послушно положил голову на лапки, прикрыл глаза. Оля посмотрела на него – сердце тревожилось, но брать с собой кролика было еще опаснее.

Около столовой она остановилась возле своих часов – корона бросалась в глаза издалека. С трудом разобрала надпись: «Третий класс» и направилась туда, куда указывала стрелка часов.

Класс встретил ее напряженной тишиной. Пара десятков пацанов напряженно что-то писали, склонив головы над тет-

рядами. Между рядов ходил высокий, очень тощий молодой человек, следя, чтобы никто не списывал.

Оля кашлянула, и тишина нарушилась. Мальчишки дружно подняли головы, и девочка оказалась в прицеле их любопытных взглядов. По рядам прокатился тихий шепот.

– Новенькая? – удивился учитель, потом видимо что-то вспомнил. – Проходи, – он указал на первую, пустующую парту. – Меня зовут наставник Ли. Посиди пока. Сейчас контрольная. Но если хочешь...

Перед ней лег лист с заданием, и Оля послушно принялась разбирать буквы, складывая слова. Выходило неважно. Мыслевик, конечно, помогал запоминать чужие слова, но с письменностью был плохим помощником. Вдобавок, ее память напоминала собой лист, кружащийся по ветру и не дающийся в руки. Что-то такое мелькало на грани сознания о скоростях, передвижениях потоков, силах, но внятного вырисовывать не желало, так что она начала рассматривать класс.

Полки с книгами. Много полок. Какие-то карты. Рисунки. Чучела животных. Растения в горшках на подоконниках. Светло-серые стены. Белый потолок. И деревянные парты – у каждого своя.

Переливчатая трель оповестила о завершении урока.

– Никто не встает! – рявкнул учитель, и мальчишки, ворча, опустились обратно.

– Итак, у нас новенькая, – наставник Ли обвел всех внимательным взглядом, – Тень, собери листы. Зовут Пепел. На-

деюсь, вы поможете ей здесь освоиться. И никаких дурацких ритуалов. Понятно?

Ответом была несогласная тишина. У Оли аж спина занемела от взглядов, и она выпрямилась, напоминая себе, что страх только все испортит.

Наставник подождал еще, потом забрал листы с решениями и вышел из класса.

Класс ожил. Наполнился шуршанием, шепотками, звуками шагов.

– Парни, вы только подумайте, как нам повезло! – в центр, к учительскому столу, вылетел рыжий пацан. – Девчонка! Теперь у нас будет кому убирать! И не надо больше корячиться с мытьем полов или, – тут его лицо перекосило, – туалетов. Вам же, девчонкам, нравится чистота, так что уборка теперь на тебе, – и ей на стол прилетела пыльная тряпка. – А если кто-то и правда принцесса, – по классу прошелся смешок, – так мы корону быстро поправим. У нас здесь все равны.

Оля не могла вспомнить, как они убирались в школе, но, кажется, там все же применялась магия. А здесь? Такое ощущение, что все о ней забыли. Везде ручной труд или эти... как его... технологии... Странно даже.

Она подняла тряпку двумя пальцами. Встала так, чтобы оказаться с пацаном лицом к лицу. Они были одного роста, но у нее возникло стойкое ощущение, что пацан ее старше. Года на три точно.

– Не думала, что попаду в класс лентяев, – хмыкнула, швыряя тряпку в рыжего. Тот отклонился – тряпка, подняв облачко пыли, шлепнулась на пол. – Или решили опозорить себя, выставив трусами, которые боятся испачкать руки, помыв пол?

– Ах ты?! – рыжий аж задохнулся от возмущения. – Со всем ограничителем потеряла? Мы же тебя сейчас в плоскость закатаем.

За спиной явно что-то готовилось. Воздух сгустился, в нем появился металлический привкус, и она ударила первой, не думая ни о чем, тем более о последствиях.

Сначала повергнуть врагов. Разборки потом.

За спиной дружно заорали, с грохотом ныряя под парты. Умные. Она специально пустила пламя чуть выше. Кто успел – тот выжил. Нет? Ничего страшного. Огню нужны сильные. Да. Теперь она это вспомнила.

Внутри появилось черное удовлетворение. Оно радовалось и затягиваемому дымом классу – пламя, докатившись до стен, весело поползло по ним. И тревожным крикам. И бледному лицу рыжего, перед которым зависла, танцуя, стена пламени.

– Так как насчет уборки? – лениво осведомилась Оля, и огонь лизнул языком воздух перед лицом отшатнувшегося пацана.

– Д-д-да, – замотал тот головой.

Девочка вопросительно вздернула брови.

– Сами, – вытолкнул из себя пацан, – мы сами.

– А-а-а! – с криком ей в спину что-то толкнулось, процарапало, впившись колючками, кожу. Оля потеряла равновесие, упала на рыжего, и они оба покатались по полу. Рядом расплзлось пламя – девочка потеряла над ним контроль.

Она резко развернулась, чтобы встретиться лицом с пацаном, который держал в руках нечто вроде прозрачной шипастой палки. На очередной замах девочка среагировала водяной петлей, которая ухватила за палку и вздернула ее вместе с хозяином к потолку.

Хлопнула дверь, и на лицах высунувшихся из-под парт пацанов отразился испуг, а еще злорадство.

– Так! – голос наставника стегнул по головам, но Оля только крепче стиснула зубы, продолжая удерживать напавшего под потолком. Но тот отпустил свое орудие и с грохотом приземлился на парту. Завыл от боли.

– Вспышка – отлично за проявление орудия, неуд за ведения боя. Противника нельзя недооценивать. Где была защита? Или воздушная подушка? Помогите ему добраться до лазарета.

Двое пацанов подхватили товарища, потащили из класса.

Наставник взмахом руки погасил пламя, еще один посыл – и окна распахнулись, впуская свежий воздух.

– Веснушка, сам скажешь или мне?

Рыжий, кряхтя, поднялся. Глянул с ненавистью на Олю и недовольно проговорил:

– Простите, наставник, я не должен был провоцировать ее, не оценив уровень силы. Но кто знал, что она стихийница?!
– взорвался он обвинением.

– В бою ты тоже будешь обвинять противника в том, что тот не признался первым? – насмешливо уточнил наставник.
– Три дежурства у мастера Вэ.

Веснушка понурился, засопел с досадой.

– Ну а ты, – наставник повернулся к ней, – отлично за ведение боя. Боец из тебя неплохой, но спину прикрывать ты не умеешь. А теперь живо к мастеру Хе. Он тебя ждет.

И что-то такое жалостливое промелькнуло на лице рыжего, что Оля сразу ощутила вкус горечи от прозвучавшей похвалы.

За дверью ее встретил ташир. Глянул желтыми глазами, и по коже девочки пробежали мурашки. Зверь был другой. Не утренний знакомец. Настоящий гигант – голова на уровне плеч, а лапы шире ладоней. И девочке подумалось, что она целиком может в его животе поместиться.

Зверь мотнул башкой, предлагая следовать за ним. Словно под охрану взял, будто ей есть куда бежать. В теории есть. Но улица страшила, как и свобода. Да и в школе было неплохо. Пока. Вдобавок ее здесь обещали научить защищаться, сделать сильнее. И она решительно зашагала за зверем.

Мастер Хе ждал в зале. Просторное помещение имело мягкий, пружинящий под ногами пол, голые стены и высо-

кие – от пола до потолка – окна, в которые маняще заглядывало солнце.

Оля вздохнула... Кажется, в ее мире летом не учились. Иначе, откуда такое чувство несправедливости?

– Проходи, – приглашающе взмахнул рукой мастер. Дверь за спиной девочки гулко захлопнулась, заставив вздрогнуть.

Он сидел на мате, скрестив ноги и прикрыв глаза. На гладко выбритом черепе был оставлен лишь небольшой пучок волос, забранный в хвост. В ухе блестела серьга. Ниже, по шее, спускалась затейливая татуировка.

Оля оценила ширину плеч, невысокий рост, здоровенные ладони, бугрящиеся под просторной туникой мышцы и поежилась. Перед ней явно был мастер боя. Опасный, даже если он просто сидел и не двигался.

Пока она оценивала мастера, тот оценивал ее, и кожу щекотала чужая сила. Попыталась проникнуть внутрь, но Оля выставила барьер. Сила толкнулась, однако ломать не стала, отступив.

– Отвратительно, – вынес мужчина вердикт, раскрывая глаза и морщась, точно перед ним было нечто ужасное. – Не знаю, кто работал с тобой, но он практически тебя загубил. Пожалуй, лишь менталистика неплохо сформирована, зато остальное... Как можно было развивать только стихии и забыть о главном?!

Оля молчала, слабо понимая, о чем речь и что такого в ней может быть отвратительного. Чувствовала она себя нор-

мально. Разве что огонь последние дни норовил вырваться из-под контроля и в глубине души жило понимание, что не хорошо решать споры пламенем.

– Стихии... – выплюнул злобно мастер, одним слитым движением оказываясь на ногах, – вечно во все лезут и мешают нормально жить. Вечно им что-то надо. А потом ты оказываешься в дерьме... Полном. И барахтайся как хочешь. Ни ограничителей. Ни правил. Одни высокие повеления, причину которых ты ни темного не понимаешь. Меня всегда удивляет, почему столь по-дурацки организованные миры до сих пор живы и не развалились на части.

Он обошел девочку по кругу, осматривая, словно товар на рынке.

– Как будто ваш мир лучше, – не сдержавшись, буркнула Оля.

Мастер остановился перед ней, покачался с пятки на носок, заложив руку за спину. Вопросительно поднял брови.

Девочка напряглась.

– Огонь – дрянь, – проговорил мужчина скучающим тоном, – сдыхла вонючая. Гадство, а не стихия.

Оля с силой стиснула зубы. Мастер все сильнее вызывал раздражение.

– Плохо стараетесь, – вытолкнула она из себя ехидно.

Мастер прищурился, прошелся по ней взглядом, уставился куда-то за спину, одобрительно кивнул:

– Какой-то контроль у тебя есть, Пепел. Значит, работать

будем глубже. Прямо сегодня и начнем.

Он сделал три шага назад, а потом ударил воздушной волной в грудь.

Девочку уронило, протащило по полу. Спину обожгло болью, а мастер уже готовил следующую атаку. Оля вскочила, атакуя в ответ. Воздух полыхнул каплями пламени. Собрался в огромную змею и попытался ударить сверху спокойно ожидавшего ее нападения мужчину. Кажется, это было лучшее ее достижение – огненный змей.

Зубы живым пламенем щелкнули по щиту. Морда, сминаясь, растеклась по невидимой преграде. А сверху уже падала сверкающая сеть, оборачиваясь вокруг огненной туши, впиваясь, разделяя на фрагменты.

Боль от уничтоженного заклинания ударила откатом по нервам.

Оля закричала. Выгнулась, падая на колени. Мир заволело пеленой слез. И косая, размытая фигура мастера в нем неотвратимо приближалась.

Мужчина присел на корточки. Тон голоса сделался проникновенным.

– Главное преимущество стихий в том, что они гасят откаты. Практически всегда. Но тебе стоит забыть об этом, если хочешь стать нормальным магом, а не вот этим вот придатком природы. Давай, покажи мне, на что ты способна без огня и, если не ошибаюсь, воды. На что способна именно ты. Бей!

Оля стерла плечом слезы. В душе билось много чего: от ненависти к мастеру до понимания, что ей дают урок. Жестокий, болезненный, но урок. Впрочем, легче от этого не было. Боль диким зверем грызла внутренности, тянула нервы и было невозможно на чем-то сосредоточиться. Хотелось свернуться калачиком, укрыться одеялом и спрятаться под ним от всего мира.

– Давай, детка, удиви меня. Захоти убить. Сама. Без помощи друзей. Найди в себе настоящую силу. Иначе, я буду гонять тебя тут целый день.

И сила предупреждающе толкнула в плечо, намекая, что шутить здесь не собирались.

Забыть о пламени? Это возможно? О воде? О той, что всегда поддерживала, помогала... Ее память сейчас жила чувствами. Оля не знала, просто чувствовала – они действительно были друзьями.

– Все проблемы у тебя в голове, – мастер выразительно постучал по своей, – решишь их и все получится. Просто убей их. Сотри. Убери. Очисти себя и сможешь работать с чистой силой.

Убить? Оля задохнулась от ужаса. Ни за что.

А за спиной мастера воздух показательно собирался в туман. И там мелькало что-то темное и явно недоброе.

– Ударишь огнем – пострадаешь, – лениво предупредил наставник.

Оля, дрожа, прикрыла глаза.

«Вам нужно уснуть. На время. Пожалуйста».

Слезы горячим потоком потекли по щекам.

Она словно часть себя стирала. Отказывалась от того, что всегда было с ней. Будто еще одной руки лишалась или ноги.

– Давай, – приказ стегнул по коже.

И огонь рванул навстречу опасности. Туман смял его, словно бумагу. Проглотил без остатка, а следом набросился на девочку.

Оля, взвизгнув, покатилась по полу – сверху, обжигая болью, стегал металлический дождь.

– Плохо, – известил мастер, развеивая заклинание.

Девочка замерла, тяжело дыша. Тело болело так, словно по нему толпа пробежалась. Она осторожно, прикусив губу и сдерживая стон, поднялась.

– Но характер бойца. Это хорошо. Работаем.

И она снова отбивалась. Ее таскали по полу, били, швыряли. Мастер с убеждений перешел на ругань. Кажется, в зал кто-то заглядывал, но был грубо вышвырнут вон.

В какой-то момент она, ослепнув от слез, бесконечно устав и практически теряя сознание от боли, перестала защищаться. И огонь виновато отступил в сторону. Ушел куда-то вглубь. Воду она не чувствовала уже давно. А потом, прорываясь из глубины, горячим потоком хлынула сила. Странная. Чужая. И в то же время своя. Родная.

И Оля, закричав, ударила. Слепо. В отчаянии и боли. Ударилась всей сутью. Собой.

Полыхнули защитные надписи на стенах. Зазвенело, вылетая наружу, стекло.

А она все кричала. Мир сошелся в этом крике, в выплескивающейся наружу боли. Перестал существовать вне потока силы.

Она не видела, как страшно ругающегося мастера, протасило по полу, впечатало в стену.

Не видела, как летит в нее кинутое им сонное заклинание.

Крик стих, оставшись внутри, в сердце, в меркнувшем сознании.

– Чтоб я еще раз инициировал стихийника, ману мне в печень.

Мастер встал на четвереньки. Потряс головой, вытрясая из нее звон. Защита едва выдержала. Кажется, он все-таки пережал. Или там проснулось что-то мощное, родовое...

Подошел к девчонке. Проверил состояние. Хмыкнул. Даже к целителю, пожалуй, можно не отправлять. Синяки пусть поболят – полезно. А так... отлежится до вечера и ладно. И он задумчиво отер ладонью взмокшую голову, размышляя, как огранять доставшийся ему камень.

Шлейх с раздражением осматривал разгромленный зал. Защиту он восстановит, а вот стекла... Снаружи группа старшеклассников, так удачно пойманная вчера за распитием, убирала осколки, заодно практикуя сегментированную левитацию. Судя по ругани, доносящейся сквозь выбитые окна,

получалось не у всех.

– А я говорил, нельзя экономить на защите, – вкрадчиво произнес Хе, как обычно бесшумно возникая за спиной. Не то, чтобы Шлейх его не заметил – годы директорства приучили всегда иметь «глаза» на спине, но применять отслеживающее заклинание против преподавателя, которому он, Шлейх, между прочим, зарплату платил, несколько раздражало. Тем более, что мастер не стеснялся и маскировкой пользоваться, словно поставил себе цель – застать начальство врасплох.

– Установили бы противоударные, не пришлось бы сейчас платить за новые.

Еще и смел указывать на промахи...

Шлейх стиснул зубы, сдерживая раздражение. Знал бы Хе, сколько стоили противоударные... Так и разориться можно. А деньги... Их всегда не хватало.

– Как девчонка? – спросил он, обрывая дискуссию об окнах.

– Нормально, – заверил мастер. – Повреждений нет, синяки сами пройдут. Отлеживается сейчас в комнате. Позже загляну проверить. Нежная она, явно не в поле работала и при этом неплохо развита физически. Словно и не барышней воспитывали. Память – это... – и он с намеком замолчал.

– Не я, – поморщившись – знал ведь кто – ответил Шлейх. – Но я никогда не отказываюсь от дара небес.

Мастер понимающе кивнул – у начальства был уникаль-

ный нюх на подобные «дары». Мог и в помоечной куче бриллиант откопать...

– Профиль? – уточнил он, уже смиряясь с тем, что придется ломать схемы обучения, выстраивая их заново. Стихийника нельзя учить по стандартам. Он их сожрет, переработает и выдаст такой результат – кровью все умоются.

Шлейх задумался. Заказчик сам был неуверен в том, какие навыки потребуются для выполнения задания...

– Широкий, – принял он решение, – по специализации... позже определимся.

Хе неодобрительно покачал головой. Значит, у начальства на девчонку особые планы. Только учить стихийника дело непростое, и полного контроля они вряд ли добьются, потому как часть сознания все равно будет под властью стихии. Тут мужчина и не думал обманываться. Знал, что уничтожить стихии невозможно, можно лишь задавить, усыпить, и те в любой момент могли дать о себе знать.

Знало об этом и начальство. Не могло ни знать. И это значило, девчонку готовили на одноразовую миссию...

Хе не любил одноразовых учеников. Но если директор взял заказ, значит оплата достойная. Жаль только, что звезда, попавшая к ним в руки, сверкнет лишь раз.

Очнулась Оля у себя на кровати. В нос настойчиво раздражающе лезло что-то пушистое. Она отвернулась, потом громко чихнула. На груди подскочили. Недовольно фыркну-

ли. Ткнулись холодным носом в щеку. Оля с благодарностью обняла Снежка, зарываясь пальцами в теплый мех. Прислушалась к себе – голова была пустой. Шевельнулась – тело отозвалось болью. Болело все. Каждая мышца. Ныли кости. Такое чувство – на ней живого места не осталось.

В памяти яркими вспышками, усиливая болезненные ощущения, всплыл бой с мастером. От дикого крика зазвенело в ушах, и Оля содрогнулась от страха. Когда она отражала атаки наставника, страшно не было, а теперь неприятный холод близости смерти пополз по спине.

Она бессильно прикрыла глаза. Кролик прижался к ладони, успокаивая, и мысль, какую цену ей придется заплатить за обучение, перестала быть столь ужасной. А еще появилось чувство, что свой первый тренировочный бой она все же выиграла.

– Брат, – простонала Оля, больше всего жалея сейчас об одиночестве, – ты знаешь, как страшно это – отказываться от огня. Но другого выхода нет. Здесь не любят стихийников, а маги совсем другие.

Собственный голос успокаивал, и если лежать с закрытыми глазами, казалось, что рядом, на стуле, сидит брат и внимательно слушает.

Впрочем, один слушатель у нее был – Снежок.

Он честно пытался делиться с ней своими воспоминаниями, но кролик помнил лишь запахи, звуки и собственные ощущения. Хорошо помнил тех, кто чаще всего с ним об-

щался, например, дядю Кайлеса и запах кофе, который того сопровождал. От мамы Оли он помнил сладко-горький аромат духов. От брата – собственное недовольство на суету, галдеж и дерганье за уши. А вот лица помнил светлыми пятнами. И уж тем более, он не мог объяснить, почему семья решила спрятать Олю здесь.

Но девочка была рада и такому. Прошрое, пусть и крошечное, все равно было прошлым. А семья – семьей, даже если от нее в памяти остались лишь запахи.

На обед она не пошла. Сил не было сползти с кровати. В горле неприятно-остро царапалась жажда. Ее бросало то в жар, то в холод. Кажется, она бредила. Говорила с братом. Жаловалась ему.

В какой-то момент тяжесть с груди исчезла – Снежок куда-то направился.

Кролику было страшно так, что лапки подгибались от ужаса. Он стоял, вытянувшись вверх, и напряженно вглядывался в полумрак коридора, прислушиваясь изо всех сил. Двуногих было почти не слышно. Они находились на нижнем этаже, но кролика пугали не они.

Он опустил на четыре лапы, нюхнул воздух. Пахло опасностью, причем такой, от которой задняя лапа начинала дрожать и отбивать ритм тревоги. Идти туда, где пахло неживым, не хотелось. Хотелось остаться здесь, прижаться к полу, притворившись мертвым в надежде, что его не заметит

страшный враг. Но хозяйке нужна была помощь. И он скакнул на первую ступень.

Зверя он нашел по запаху. Тот не пах собой. Пах странными вещами и теми, кто был рядом, и кролика вел к нему запах хозяйки, которая гладила его этим утром. А еще зверь мог быть бесшумным – он даже не дышал, только огромные когти клацали по полу, когда зверь передвигался.

Сейчас он сидел, застывши, около двери.

Снежок долго стоял на задних лапках, прислушиваясь и принюхиваясь, прежде чем решился выпрыгнуть из-за угла. Сердечко отчаянно билось в груди. Шерстка взмокла от страха.

«Тук!»

Задняя лапка дернулась, отбив от пола.

Зверь ожил. По шкуре прошла дрожь. Огромная башка опустилась, каменная маска треснула, желтые глаза неверяще округлились, и в них промелькнуло изумление. Край губ приподнялся, ехидно обнажая зубы, мол, еда сама себя доставила. Чудеса.

Снежок едва не лишился чувств от хлынувшей к нему дымчато-алой волны эмоций. Нет, зверю не нужна была еда, его поддерживала сила хозяина, однако он с удовольствием погонял бы гостя, потрепал бы пушистую шкурку, разодрал бы ее на клочки, ощутив во рту сладкий вкус горячей крови.

Кролик затрясся, сжавшись в комок. Уши прижались к щекам. Ужас туманил мозги. Инстинкты требовали либо бе-

жать, либо притвориться мертвым. Животом он буквально сроднился с полом, мечтая обо одном – исчезнуть из поля зрения чудовища.

С трудом он смог вспомнить, почему он здесь, хотя отделаться от мысли, что острые зубы вот-вот сомкнутся на шее, не удалось.

«Хозяйка!»

Лапка сердито стукнула по полу, и оскал зверя стал в два раза ехиднее. Он еще и облизался так предвкушающе, что сердце бедного кролика застучало где-то в кончике хвоста.

«Болеет! Ей нужно помочь!»

Он не умел думать словами, зато умел передавать картинки, и навстречу кровожадному облаку эмоций рванули его собственные: беспокойство, любовь, обида. Кого-то за уши чесали, а теперь он помогать не хочет!

Лапка стучала уже не переставая.

Снежок был готов стать сожранным, только пусть этот... который... не живой и не мертвый... приведет помощь.

Зверь скалиться перестал. Задумался. Потом легко перешагнул через вжавшегося в пол кролика – хвост метелкой прошелся по белоснежной шкуре – и, цокая, величественно двинулся к лестнице.

Снежок чуть помедлил, потом, спохватившись, заскакал следом. Он больше не скрывался, не шарахался от каждой тени. А пережитый ужас запустил процесс, который хозяйка называла «поток неконтролируемой болтовни». Кролик

прыгал по ступенькам, каждый прыжок сопровождая эмоциональным образом. Начал он с хозяйки, потом перешел на себя, жалуясь, как ему не хватает прогулок, зеленой травы. Хотя булка была вкусной, но трава все же лучше. Зверь раздраженно дергал хвостом, шевелил лопатками, но не обрывал. То ли не хотел, то ли не умел отвечать.

У двери хозяйки он не остановился, прошествовал дальше. Толкнул носом пятую по счету и через пару мгновений выволок оттуда зубами за подол юбки яростно сопротивляющуюся девуцу.

– Да чтоб тебя темные загрызли! Какую сдыхлу ты творишь? Мышь ты потная, а не волк! Вот пожалуюсь на тебя Грымзе, будешь знать!

Девуца столь сильно пахла травами, что кролик не удержался и чихнул. Его заметили...

– Ой! – расплылась в умилении девушка, забыв о чудовище, которое продолжало тащить ее по коридору. – Маленький какой! Пушистый! Ты откуда такой, малыш? Если ничей, я тебя себе возьму, – и она уже протянула к нему руку, но зверь не позволил. Не выпуская подол, распахнул дверь в комнату Оли и впихнул туда девуцу, потом повернулся к кролику, подцепил его за шкурку и зашагал вниз.

Когда мастер Хе заглянул в комнату к новой ученице, там всю кипела активная деятельность. На столе исходил паром котелок, под которым синим огоньком трепетала горел-

ка. Вверх поднималось остро-травяное облако, от которого сразу зачесалось в носу.

На его шаги сидящая на постели девчонка резко повернулась и уставилась недовольным взглядом человека, которого отрывают от любимого дела.

– Луна, – обреченно вздохнул мастер, одновременно радуясь тому, что новенькая в надежных руках и понимая, что прикрывать неофициального целителя школы от пропусков придется именно ему. – Опять не на занятиях?

Девчонка раздраженно дернула плечом.

– Мне не нужны астро-физика и литература. Я не собираюсь читать больным стихи и рассказывать о звездах. Тем более, когда моя помощь требуется здесь, – и она кивнула на лежащую на кровать Пепел.

Мужчина поспорил бы, но Луна выпускалась на следующий год и заслуживала некоторые послабления в учебе, да и целительский дар у нее был силен. Директор не жалел вложенных в девчонку средств и даже собирался оплатить ей высшую школу. Хороший целитель всегда пригодится.

Мастер подошел, наклонился, проверяя состояние больной. Что же... хуже, чем он рассчитывал и лучше, чем подумал, увидев здесь Луну. Крупные синяки сошли, а мелкие были смазаны мазью. Укрепляющий отвар, который варился на столе, завершит исцеление.

– Я скажу мастерам, что ты выполняешь мое поручение. И он сделал вид, что не заметил лежащего на коленях дев-

чонки справочника по ядам. Школа не препятствовала ученикам проявлять любопытства даже в запрещенных областях.

– И спасибо за помощь, – он кивнул на Пепел.

– Не за что. Только хочу напомнить, мастер Хе, мертвых не исцелить, – и она обвиняюще посмотрела на мужчину.

ГЛАВА 6

Когда Оля окончательно пришла в себя, в комнате царил полумрак, разгоняемый лишь слабым светом лампы под потолком. Девочка медленно повернула голову. Парни были погружены в игру. Огонек, прикусив губу, задумчиво смотрел в карты, явно просчитывая ход. Туман был холодно спокоен. Балабол нервно барабанил пальцами по столу. В комнате непривычно остро пахло травами. И Оля начала вспоминать: незнакомое лицо над собой, горький вкус травы во рту, холод исцеляющих заклинаний.

– Снежок! – она села на кровати, испуганно зашарив руками вокруг.

– Тьфу! Напугала! – выдохнул Конфета, хватаясь за сердце. – Я уже и забыл, что ты здесь.

– Кого потеряла? – дружелюбно осведомился Туман.

– Кролика, – девочка свесилась, заглядывая под кровать.

Парни обеспокоенно переглянулись.

– Когда мы пришли, здесь была лишь Луна, – проговорил Огонек. – Кстати, она велела тебя напоить отваром, как

проснешься.

Оля ощутила, как от дурных предчувствий сжимается сердце, а паника перекрывает горло.

– Тихо! – рявкнул вдруг Туман, и в наступившей тишине явственно послышался приближающийся цокот когтей.

Парни в секунды рассредоточились по кроватям, лишь Балабол суетно заметался в поисках свободного места, в итоге рухнув на светловолосого паренька. Тот предупреждающе зашипел и отодвинулся к стене. Стукнул ладонью, гася свет.

Туман без слов толкнул девочку в плечо, заваливая на кровать и падая следом. Обнял, прижимая к себе.

– Снежок! – попыталась освободиться Оля, засадив локоть ему в живот.

– Найдем! Обещаю, – прошептал он ей на ухо, даже не дернувшись.

Цокот замер напротив их двери. Потом раздался скрип, и в проеме возникла высокая ушастая тень. Парни усиленно засопели. Тень раздражающе медленно дошла до дальней кровати, а потом белый пушистый комок упал на простыни перед лицом девочки, защекодав кожу ушами. На Олю пахнуло землей, травой, а следом хлынул поток восторженных эмоций. Там были солнце, лес, зеленая трава, сладкие цветы и новый друг. Молчаливый, пугающе-страшный, но позволяющий делать все, что захочется.

Зверь тяжело вздохнул, словно закончил выполнять сложную миссию и развернулся к выходу. Около стола он внезапно

но замер, наклонился, подцепил что-то зубами и свернул к одной из кроватей. Оля успела заметить мелькнувшую в лунном свете карточку и услышать сдавленное «Спасибо», когда игральную карту положили перед лицом одного из парней.

Скрипнула дверь, отрезая удаляющийся цокот когтей.

Какое-то время все лежали, прислушиваясь к затихающему «цок-цок», а потом тишина взорвалась гомоном голосов:

– Ты, debil, реально ему «Спасибо» сказал?

– А что? Он мне карту вернул. Невежливо было промолчать.

– Это ташир! Волк!

– Станный он какой-то. Понял же, что мы не спим. Почему не поднял тревогу и не вызвал дежурного?

– Вообще не понятно, зачем приходил. Мы же занавес поставили, не шумели. Ну прибрались чуток, так тихо же.

Кто-то шлепнул ладонью по стене, зажигая ночник под потолком. Парни вставали с кроватей, потирая ушибленные бока. Огонек растеряно крутил в руках карту.

– Тут такое дело, – кашлянул Туман, привлекая внимание, – он кролика вернул.

И взгляды парней мгновенно скрестились на лежащей на постели в обнимку со зверьком девочкой.

– Я правильно понимаю, он вернул его целым и невредимым? – вкрадчиво так поинтересовался Балабол и заморгал растеряно, словно озвучил нечто невозможное.

Оля не знала, что отвечать. Молчание затягивалось.

– Никогда не слышал, чтобы таширы заводили себе друзей, – хмыкнул Туман.

– Скажешь тоже, – возмутился Конфета. – Может он его съесть хотел, но подавился? Или твой зверь удрал, а волк его нашел и решил вернуть? Только все равно непонятно, с чего такая доброта.

– Приказ Упыря, – высказал догадку Лист, – они ментально связаны, разве не видно?

Оля съежилась под ставшими внимательными взглядами, крепче прижимая к себе зверька. Холод сканирующих заклиний защекотал кожу.

– Повезло тебе, – вздохнул, наконец, Огонек, отворачиваясь и доставая из кармана колоду, – а мне вон собаку не разрешили... Пришлось тетке оставить, а она у меня... – и он обреченно махнул рукой.

В комнате повисла завистливая тишина, и на лицах парней дружно отразились детские воспоминания... Не простые такие и уж точно не счастливые.

– Ладно, – первым встряхнулся Туман, – Пепел, быстро пить отвар. Тут тебе от щедрости – надо ж было их так напугать – оставили домашнее задание на завтра. Раз выпалась, садись разбирать, а мы с парнями еще игру прокрутим.

– Слышал, ты своих в классе чуть не замочила, принцесса, – Огонек дружески шлепнул ее по плечу, подтолкнул к столу, где сегодня появился девятый стул. – Да и мастер Хек целителю наведалься после урока с тобой. Вот глянешь –

мелкая, ни разу не опасная, а как слухи послушаешь, так за один стол садиться страшно.

– Стихийник, что ты хочешь, – с некоторой завистью покосился на нее Лист.

– Хочу, чтобы ее не отправили в подвал за подобные фокусы, – со злостью бросил Огонек

Туман предупреждающе кашлянул.

– Защищаешь? – вызверился на него парень. – Не хочешь пугать? А ничего, что она сама себя туда загоняет?

– Не тронут ее, – лениво отозвался Балабол. Отобрал у Огонька колоду, принялся раздавать. – Пока не тронут. Осторожничают. Так что не бойся, мелкая, но и не наглея. Учись давай, – и он легким подзатыльником заставил ее заглянуть в учебник.

Оля со вздохом – учиться не хотелось, хотелось отправиться в подвал и выяснить, чего так все боятся – раскрыла книгу. Страницы замелькали, останавливаясь на нужном месте. Она повела пальцем по строке, вчитываясь в текст, и не сразу заметила, как за столом установилась удивленная тишина.

– Я должен был догадаться: стихийник, пусть и не полный, мыслевик, странности в поведении, – принялся перечислять Туман. – Поневоле начнешь подозревать в тебе сбежавшую принцессу. Ладно, парни, играйте без меня. Я тут кое-кого грамоте учить буду.

Но игра без Тумана не задалась, и парни потихоньку тра-

вили байки. Рассказывали про жизнь, школу. Ругали учителей, директора. Хвалили еду. Хвастались, кто куда пойдет после школы. И только трое молчали: Туман, Огонек и Лист.

Комната после вечерней приборки стала чище. Паука парни выгнали – по крайней мере со смешками заверили, что так и сделали. А если тот вернется, то на него Снежка надо натравить. Мол, если ташир кролика не тронул, то паук и подавно испугается.

И спать Оля ложилась под их тихие разговоры с верным Снежком под боком.

Столичная канцелярия следственных дел.

Охранное заклинание проснулось, зевнуло – господин Тамс любил придавать характер зачарованным вещам – и скучающим тоном оповестило:

– К вам этот... молодой и прыткий. Небось с очередной бредовой идеей пожаловал. Господин Дьер Топпер.

Алесто поморщился. Утро было хорошим. Спокойным. Даже сводки ночных происшествий были до оптимизма пусты. Граждане дружно решили вспомнить о своей добропорядочности. Никаких нападений. Незаконных применений магии. Ведьмы и те попритихли, ну или жалобы на них еще не дошли до канцелярии. Словом, день грозился быть проведенным в кабинете за разбором бумаг. Красота...

– Пусти его, – разрешил он, смиряясь с неизбежным. В новых сотрудниках после неопытности его жутко раздражал

энтузиазм и уверенность, что именно они раскроют дело, о которое их товарищи изрядно зубы обломали.

– Господин Тамс, доброе утро, – в кабинет заглянул высокий темноволосый парень. По нынешней моде он волосы не стриг, а собирал в хвост на затылке. Вольность, разрешенная в их учреждении. Мол, ближе к народу надо быть не только слугам-чиновникам, но и следователям.

– Что у тебя? – поморщился Алесто, кивнув в ответ на приветствие. Парень с готовностью активировал планшет. Новомодная техника недавно поступила в отдел, и далеко не все сотрудники смогли ее освоить. Вот Алесто так и не смог.

– Дай угадаю, – он бросил быстрый взгляд на протянутый к нему экран, – школа Эссана? Опять?

– Но вы сами говорили, что там нечисто! – с жаром воскликнул Дьер.

– Топпер, – простонал Алесто, – я твой начальник, так? Парень угрюмо кивнул.

– Ты копал под них три месяца, так?

И снова кивок.

– Мы отправляли к ним всевозможные проверки. Даже церковь подключили. И что?

– Ничего, – мрачно ответил Дьер.

– Ничего – это взяли и забыли, а о нас тогда столько народа ноги вытерло. Помнишь, что писали? Что мы набросились на несчастную школу, которая много лет спасает детей, чуть ли не подбирая их на улице. Ты сам проверял их учеников.

Проверял? И согласился с тем, что их ждал бы дом семьи или ограничители. Везунчики смогли бы поступить в какое-нибудь военное учреждение. Остальные... Сам знаешь, какая жизнь в маленьких городках, когда твои родители подсели на какую-нибудь дрянь.

– Но их выпускники... – хмуро возразил следователь.

– Да, некоторые идут в криминал, кто-то в наемники, но тебе не кажется, что они и так оказались бы там без помощи школы, – Алесто терял терпение, – зато самым талантливым они университеты оплачивают. Кормят все эти годы, нормально учат.

Парень несогласно мотнул головой.

«И послали же тени упрямца!» – вздохнул про себя Алесто.

– Что ты предлагаешь? – спросил он прямо.

– Он берет не всех! Фактически скупает детей! – выдвинул Дьер самый решающий аргумент.

– Он директор школы и имеет на это право. Да и потом, ты знаешь, именно выпускники, став успешными, поддерживают школу деньгами. Так что я вполне понимаю его интерес в талантливых ребятах. Спасти всех невозможно. Он берет лишь сильных.

– И в основном парней!

Алесто пожал плечами, не видя в этом ничего криминального.

– Разрешите устроиться туда на работу, – выпалил Дьер и

замер выжидательно.

– Ты? – ошарашено моргнул Алесто. – Учителем? В провинциальную школу-пансион?

– Думаете, не смогу? – с беспокойством уточнил следователь. – У меня столичная школа с отличием закончена. Потом еще Следственная академия. Тоже с отличием.

Алесто захотелось взвыть.

– Я тут на педагогические курсы поступил. В свободное от работы время, конечно. Через полгода сертификат. Смогу преподавать.

Алесто с отчаянием растер ладонями лицо, давя желание накинуть на молодого сотрудника что-нибудь эдакое... вяжущее по ногам и рукам. И запереть его. Надолго.

– Принесешь сертификат, подготовишь легенду, там посмотрим, – принял он решение.

Парень просиял. Распрощался и вымелся из кабинета.

– Плохо у тебя с делами, раз молодые дурью маются, – проворчало охранное заклинание с двери.

– Это распоряжение такое... – огрызнулся Алесто. – Начальство запрещает молодежь в серьезные дела вовлекать. Вот и подсовываешь им разное... А они там всякую дичь видят... Ладно. Полгода – это срок. Может и передумает. Но надо же... Учителем... В школу... Вот фантазия у парня! – и он одобрительно покачал головой.

– Ты уверен? – в десятый раз спросил Лексар, обеспокоенно оглядываясь по сторонам. Был вечер. Вокруг ни души. Академия готовилась к отбою, и засечь их могли лишь безмолвные, решившие проследить за пятикурсниками. Но пока их никто не пытался остановить, да и пятый курс, не первый. Они имели право здесь находиться.

Иль лишь зло скривил губы. Отвечать не стал. Посмотрел на проход, ведущий к источнику, и решительно зашагал по нему. Друг остался на подстраховке. Все было обговорено заранее. С момента исчезновения Оли они столько раз пытались достучаться до взрослых, предложить свою помощь, ведь брату проще найти ту, с которой они росли с детства. Бесплезно... Их в упор не замечали, советуя не лезть в это дело, а заниматься учебой. Мол, взрослые сами справятся.

– Ни жырґхвы они не справятся! – кусал от гнева губы Иль. – Фаттарцы добро на проход лишь на второй день дали. А что за эти два дня могло случиться? Все!

И он пнул камень, попавшийся под ноги. Они шли по дорожке парка. Взьерошенные. Злые. Обиженные. Их посчитали маленькими. Ненужными. А им до пепла надо было что-то сделать. От душашего бессилия хотелось кого-нибудь прибить, но курсанты, словно подозревая нехорощее, торопились убраться с их дороги.

– А что мы можем? – запальчиво возразил Лексар. Он давно уже простил Оле то, что она с ними не церемонилась, командовала, насмехалась порой, втягивала в неприятности.

Один полет на драконах чего стоил... Но без нее было хуже, чем с ней. Так что он всем сердцем переживал за девчонку, пусть в глубине души был уверен: Оля не пропадет и любые неприятности обратит в свою пользу.

– Сбежать в Фаттару и искать самим? – предложил Ирлан. Парни зафыркали.

– Нас на подходе к воротам возьмут. Третий наверняка озаботился, чтобы внести наши ауры в список, – Иль посмотрел на друга снисходительно. – Да и в Фаттаре... Мы со своим огнем как на ладони будем.

– Слышал, они стихийников за нелюдей считают, – неодобрительно проговорил Лексар. – А свою магию боятся использовать, мол, активное применение разрушает магическое поле планеты. Только по нужде, только по потребности. У меня родственник матери работал с их посольством много лет назад, – пояснил он, смутившись. – Уже тогда говорили – свихнулись они на предметах. Оживляют, начинают магией, ну как мы артефакты, только они силу напрямую с материей соединяют. И живут, заставляя вещи работать вместо себя. Еще и топливо какое-то используют, чтобы не на одной силе те работали.

– Пепел с ними, – зло мотнул головой Иль, – но если они причинят вред сестре, я их вместе с оживленными изничтожу.

Парни сочувственно посмотрели на командира, готовые поддержать в любом безумстве. Оли им самим не хватало.

Словно вытащили важный кусочек из компании, стерли какую-то часть. Словно у каждого из них сестру отобрали.

Иль похудел, спал отвратительно, и четверка как могла поддерживала своего лидера. Помогала с занятиями, прикрывала от неконтролируемых применений дара. Наставники, как сговорившись, устроили им внеплановый зачет по предметам, решив, что усиленные занятия лучше всего способствуют преодолению скорби. Их гоняли так, что даже выпускники смотрели сочувственно.

– Но стихии должны знать, что случилось, – заметил Лексар. – Уверен, без их ведома мы даже чихнуть не можем.

– Вот пойдем и спросим, – решительно поддержал его Иль.

Сейчас он быстрым шагом шел по коридору к источнику, остро ощущая, как не хватает рядом сестры. Она всегда прикрывала ему спину. И было достаточно знать, что она где-то поблизости, чтобы справиться со сложностями. Но теперь...

– Я сделаю это для тебя, сестренка, – прошептал он, облизывая пересохшие губы – воздух в пещере был сух и горяч. В голову лезли мелкие обиды, нечастые ссоры. Он почти не спорил с сестрой, еще реже обижался на нее, но все же случалось порой. И теперь ему казалось, что есть и его вина в том, что сестра исчезла. Не доглядел. Не спас. Не был рядом.

Если бы знать... на шаг от нее не отошел бы. Но Оля всегда была самостоятельна. Это он цеплялся за нее, без спора отдав лидерство. И только в академии, став главным в чет-

верке, начал учиться жить своим умом. А сестра... Ходила в академию Ментала, занималась с дядей Кайлесом. Ей организовали индивидуальные занятия с наставником из Такии. Даже император выделял ее среди остальных детей королевской семьи.

Завидовал ли Иль? Нет, хотя и злился порой на самоуправство, но в сердце всегда гордился ею. И знал – он все равно сильнее и старше. А сестра только пытается быть сильной, на самом деле ей тоже нужна защита.

– Выходи! – крикнул он, склонившись над лавой и ощущая, как от жара печет лицо. Он взгляделся в черное полотно, в котором алыми прожилками гуляло пламя. – Не будь трусом! Выходи, поговорим!

Пламя гневно загудело, только злость, сжигающая сейчас изнутри Иля, была сильнее.

– Я не боюсь тебя! А вот ты... Если не выйдешь, будешь трусом. Нет, ты будешь никчемной жырghвой.

Пламя взвилось вверх, ударило наотмашь по камням, и веер огненных брызг ужалил, прожигая одежду, добираясь до кожи. Мальчик зашипел.

– Дурак! – эхом загуляло по пещере, и сила навалилась, прижимая к камням. Сердце застучало в ушах, в горле пересохло, перед глазами заплескали алые точки, но он устоял, хоть и согнулся, уперев ладони в колени.

– Щенок! – бесновался огонь. Одежда уже тлела, но Иль не обращал внимания. Ему нужен был ответ. – Мелкий вы-

родень! От кого требовать вздумал, пепел от помета?! Да я тебя изничтожу!

– Давай! Если по-другому не можешь! – выдохнул Иль, разгибаясь и глядя в поднимающуюся над ним волну. Внутри пламени, точно оно не могло сосредоточиться от возмущения, мелькали сотни лиц. – Она тебя так любила, а ты не смог ее защитить от какого-то пьяного архимага!

Про архимага он узнал от безмолвных. Парни говорить не хотели, но он проник в целительскую и сутки не отходил от валявшихся там пострадавших, навевая, как выразился один из них, своей унылой рожей пепельную тоску. Целители, приняв сторону мальчишки, делали вид, что нарушителя в палате нет. Так что безмолвные в итоге сдались или отец разрешил им открыть ему подробности дела...

Надо ли говорить, кто стал для Ильи, да и для всей академии врагом номер один? Потому как еще никому не было позволено похищать курсантов.

Пламя на оскорбление отреагировало очередным взлетом к потолку. Оно потемнело, запеклось коркой. Воздух в пещере исчез, выгорел, и Иль ощутил, как начинает кружиться голова при попытке сделать вдох. Но отступить сейчас?

– Молчишь?! – просипел, тщетно пытаясь расслышать в гудении пламени хоть какие-то слова. Вот с сестрой огонь говорил охотно, а чем он хуже?!

– Ненавижу тебя!

Слова сами сорвались с губ, Иль плохо понимал, что

именно в бессилии кричит в огненную стену. Ему было больно, и он выплескивал боль, не в силах удержать внутри. По стене лавы меж запекшихся кусков затанцевал огненный поток. Огонь шипел, бурлил, но молчал...

– Отказываюсь от тебя, слышишь? Пока не вернешь сестру!

Он не понял, как его вынесло из пещеры. Очнулся от того, что Лексар хлопал его по щекам, испуганно причитая, что убийство принца ему не простят, даже если он в нем не виноват, и Третий точно сошлет на каторгу, чтобы остальным повадно не было.

Иль открыл глаза, застонал – кожу неимоверно пекло. Дико хотелось пить.

– Так-так, – внушительно произнесла над ним пустота. – Кто бы сомневался? Снова эта семейка. Старший выпустился, пришел черед младшему нас доставать.

– Тихо ты, – одернул его второй безмолвный, – это ж брат кронпринца.

– А мне по пеплу, – не согласился первый, – наказание будет получать, как все. Давай его в лазарет, а потом на доклад к ректору. Четвертого все равно в академии нет. Пусть ректор решение принимает, куда энергию мелочи направить. Надо же было так довести источник?! Меня до сих пор трясет от выброса. Передашь, чтобы дня на три закрыли, а то спалит всех сунувшихся к жырghве. И что они не поделили?

Сил отвечать у Иля не было, а когда они появились – це-

лители знали свое дело – он угрюмо отмалчивался, разглядывая пол в ректорской. Рядом такой же безмолвной статуей застыл Лексар.

Ректор разорялся долго. О долге, дисциплине, уважении к дарованной им силе.

– Он позволил мою сестру забрать, – процедил Иль, когда ректор выдохся. – Я от него отказываюсь.

Мужчина аж онемел от изумления.

– Пока не вернет, я без магии обходиться буду. Мама же как-то жила без нее, пока папу не встретила...

Ректор сначала говорить не мог, только ртом воздух хватал и смотрел умоляюще, мол, шутка же, да? Только Иль был уже не маленький, чтобы просто так обещаниями разбрасываться.

– И я откажусь, – поддержал командира Лексар.

– Ну все!!!! – раненым калкалосом взревел ректор. – Отказники, пожри вас огонь! Под арест. Обоих! Завтра разберемся, что с вами делать. И пусть... родители... Хотя бы асара. Вот она пусть и уговаривает вас не маяться пеплом.

Ректор зря надеялся, это Иль знал твердо. Сестру надо было вернуть в первую очередь именно из-за мамы. Так что он не отступится, чтобы взрослые там ни придумали.

– Слышь ты, недоразвитие мозга. Плевок вальшгаса. Личинка трупного червя. Жертва ментального взлома. Трухляк навозный. Ошибка природы. Головешка тупая. Мозги, пеп-

лом покрытые. Не понимаешь, что творишь, огрызок идиота?

Наставник Унтар разорялся добрых полчаса, ни разу не повторившись и оправдывая звание самого сурового наставника академии. И то, что Иля отдали ему, говорило о серьезности совершенного им проступка в глазах взрослых.

Оскорбления Илья переносил спокойно, почти равнодушно – дядя Сережа порой и не так выражался, когда считал, что малышня его не слышит. Оправдываться он не видел смысла, а потому угрюмо молчал, выжидая. У наставника была цель – выбить дурь из взбунтовавшегося курсанта, и он явно не собирался ограничиться словами.

– Не таких обламывали, – прищурившись, заявил Унтар, оценивая объект воспитания.

Объект смотрел исподлобья, явно имея противоположное мнение на данный счет. И где-то наставник Унтар уже встречал такой взгляд...

«Весь в отца», – мелькнула раздраженная мысль, и он ударил для начала тоненькой плетью. Та впиалась в одежду, разрывая и оставляя на теле багровый след ожога. Пацан дернулся, стискивая зубы так, что скулы побелели. Взгляд потемнел, напился ненавистью, и наставник ощутил легкую неуверенность, но отступать не собирался.

– Защищайся! – рявкнул он, чувствуя, как внутри тоже собирается злость. И это было плохо, ибо воспитание и злость не стоило совмещать.

Он выдохнул, возвращая себе контроль.

Дурак! Бунтарь нашелся, понимаешь ли! Еще и сторонников себе отыскал! Пол академии от него трясет, вторая половина им восхищается! Революционер, пожри его пламя! Как будто им тоже не жаль девчонку! Еще как жаль! Но обвинять в этом стихии? Еще и отказываться от них?!

Унтар всегда подозревал, что двойня в семье не к добру. Да и зачем двое детей, когда с одним ребенком матери даром делиться сложно! Вот точно не воля это Деятеликого, чтобы за один раз и мальчик, и девочка.

Унтар всегда относился к двойняшкам с подозрением и, похоже, не зря. Вон как старшего рвет нестабильностью от исчезновения сестры. Разве дело это, чтобы пацан с ума сходил? И жалко его, но унижать огонь? Такого ни один асмаец не одобрит. Третий вон указание прислал: дело решить, как можно быстрее, пока слухи из академии не поползли по стране. Нечего подрывать устои государственности. Стихии – основа их жизни. Убери огонь и что станет с Асмасем?

– Курсант Илья, это приказ! Поставить щит! Призвать огонь!

И воздух нагрелся, воспламеняясь.

Иль, выгнулся, застонал – на спине показалась кровь. Он мотнул головой, стряхивая прилипшую к вспотевшему лбу прядь, облизал потрескавшиеся губы и уставился на наставника наглым взглядом зеленых глаз.

Мужчина молча выругался. Взял «лучшее» от родителей,

паршивец. Наглость от матери – вот кто в свое время с легкостью нарушал правила академии, устраивая пирушки, вылазки, да и просто внося хаос. Ну а упрямство, конечно, от отца. Это у них семейное. И, главное, бесполезно орать или давить – только крепче стоять будет. Шантаж бы сработал, но на него у Унтар нет полномочий. Хотя ради матери пацан отбросил бы свои принципы. Только мать у него – ассара, и мужчина не был уверен, чью сторону она примет. Непредсказуемая женщина!

– Курсант Илья, подумайте о товарищах! О той боли, которая им предстоит, если вы продолжите упрямиться! И о том, что вы не сможете продолжать здесь учиться.

– Пусть! – упрямство в глазах стало фанатичным. – К бабушке поеду. Она в местную школу пристроит.

Нет, точно свихнулся. Добровольно в мертвый мир собрался! Четвертый такого предательства от сына не переживет.

И Унтар, преисполнившись долга, ударил по мальчишке всерьез. Волна огня подкатила, замерла в паре сантиметром от пацана.

– Последний раз спрашиваю, – начал было наставник, и тут его самым наглым образом прервали.

– Не смей! – взревело на весь зал Вразумления. Между мальчишкой и мужчиной темной фигурой вырос дух огня. Он был стар. Вместо кожи – запекшаяся корка. Вместо глаз – два алых огонька. От фигуры потянуло жаром, воздух на-

грелся, пробивая защиту, а Унтар с неудовольствием почувствовал, как капельки пота собираются на лбу. Мгновение – и дух впитал в себя огонь, окружавший мальчика, еще и крикнул от удовольствия. По темной коже змейками побежали алые всполохи.

Унтар остолбенел. Он ожидал самого очевидного развития ситуации – оттаскивания обожженной тушки упрямяца к целителям, заодно, пусть и голову проверят, а то вдруг и, правда, умом повредился. Ну или срабатывания у пацана инстинктов. Все же пятый курс. Много в него успели вложить. Должен был отразить атаку автоматически. Но огнедух? Еще и старый такой. Кто посмел вмешаться?

– Убирайся к хозяину, – проорал Унтар, чувствуя, как терпение колеблется на самом нижнем уровне. Еще немного – и ему самому понадобится целитель, чтоб мозги на место поставить.

– Не смей! – с неменьшей яростью рывкнул в ответ дух. Он предупреждающе загудел, став наливаясь алым, и Унтар, спохватившись, усилил щиты.

– Защищаешь? – прищурился со злым удивлением. В душе бушевало смятение, а еще там бродили неясные подозрения, потому как рожа у огненного духа вдруг показалась знакомой... Точно! Он ее раз в год на Зимние праздники во дворце имел честь лицезреть. Не прям ее, но этот нос, линию подбородка... Лишь в одном случае огнедух принимал облик правящей семьи...

– Он от тебя отказался, а ты... его... – горло перехватило от обиды и непонимания. Унтар на самом деле не понимал стихию. Пацан ее унизил, а та не просто стерпела, еще и защищать полезла.

– Не смей! – загудел рассерженно дух огня, и Унтар плюнул на попытки разобраться. Сама стихия не пришла, отправив вместо себя безмозглого духа, которой только и может, что твердить:

– Не смей? – уточнил дух вопросительно.

Унтар даже глаза прикрыл, чтобы не видеть столь вопиющую несправедливость. Но решение стихии...

– Не смей, – подтвердил он устало, давя желание накопывать по шее обоим: и духу, и пацану. Однако не опускаться же до уровня курсанта и драться с родной стихией.

Дух кивнул, принимая ответ и зашагал прямо к стене зала Вразумления. Втянулся в защиту, которая по идее не должна была никого ни пропускать, ни выпускать и исчез, оставив после себя на камне выжженный силуэт. С короной. Чтоб уж точно никто не сомневался, кто именно их посетил.

Унтар столкнулся с ошалелым от изумления взглядом курсанта, моргнул, возвращая своим глазам прежний размер, а то два идиота с круглыми глазами на один зал – перебор и проговорил, едва сдерживая кипящую внутри ярость:

– Не знаю, в кого ты такой везучий, но не думай, что эта выходка сойдет тебе с рук. Даже если огонь с какого-то пепла вступился за такого засранца, как ты, наказание все равно

получишь. Учиться ты не сможешь, кормить бесплатно тебя никто не будет. Готовься отрабатывать: говно таскать, загоны чистить до... бессрочно. До полного вразумления и исчезновения дури. Уж сколько лет в наставниках, а такого никогда не встречал... – позволил он себе все же высказаться не по существу. Резко развернулся, снял защиту с зала и вышел, ощущая, как воздуха категорически не хватает. Успокаивало одно – пацан был так же удивлен заступничеством огня, как и сам Унтар.

ГЛАВА 7

Фаттара. Школа Эссан.

С утра к Оле заглянула соседка, представившаяся Луной. Она проверила состояние девочки, восхищенно потрепала по ушам кролика и посетовала, что Оля единственная малышка среди взрослых уже девушек, так что подружку ей найти будет сложно.

– Но ты держись и не позволяй себя обижать, – посоветовала она напоследок. – Пусть ты и стихийница, но не меньше человек, чем они. Я в пятой комнате. Заглядывай вечером, познакомлю с остальными. И кролика приноси. Девчонки будут в восторге.

Оля обещала заглянуть. Если силы останутся. Мастер Хе наверняка захочет продолжить занятия...

В столовой к ней не лезли, а замеченные взгляды делились

на две категории: равнодушные и злые. Если бы не Снежок в сумке на плече, ощущение одиночества в толпе было бы особенно острым. К Туману и остальным она сама не подошла, понимая, что это в ее комнате они могут быть милыми, учить читать, помогать с заданием, а перед остальными предпочтут не замечать. Да и какие отношения могут быть у взрослых уже парней с малышкой вроде нее? Смех, да и только.

– Сегодня на занятии обсудим разницу между стихийниками и обычными магами, – объявил мастер Вэ. – Есть желающие высказаться? – обвел он требовательным взглядом класс.

Мальчишки появление Оли встретили настороженно, сторонились, точно хищника, но задирать больше не пытались. Похоже, у нее выстраивается репутация...

– Стихийники вместо собственного источника используют внешний, – высказался Вспышка.

– Не совсем так, – поправил его мастер, – просто их внутренний источник связан с внешним, именно поэтому у них нет проблем с наполнением, только если они не окажутся в местах с высокой нестабильностью.

С задних рядов завистливо присвистнули, пробормотав:

– А мы тут каждую каплю бережем. Халявшики.

Мастер понимающе улыбнулся.

– Зато у них возникают другие проблемы. В первую очередь контроль над силой. Очень сложно остановиться и пе-

рестать ее поглощать. У стихийников, так же как и у нас, есть резерв. У всех разный. Образно говоря, кто-то может и бочку в себя влить, а кто-то ведро.

– Но зачем им поглощать, если всегда можно пополнить?
– недоуменно спросил кто-то из учеников.

– Потому что внутренний источник не может оставаться пустым. Однако стихии крайне чувствительны к эмоциям. Говорят, огневики буйны и несдержаны, водники холодны и расчетливы, воздушники непоседливы, ну а маги земли медлительны и неразговорчивы. Стихии накладывают отпечаток не только на саму магию, но и на характер адептов.

– То есть, – Веснушка многозначительно посмотрел на Олю.

– Знай вы об этом вчера, поступили бы иначе, – подтвердил мастер Вэ. – Кто скажет, чем еще опасна стихийная магия?

– Сложно использовать ее точно, регулировать поток, – посыпались ответы.

– Выбросы и нестабильность.

– Выгорание от пропуска большого количества силы.

– Слышал, у них даже магическое опьянение есть, это когда тебя от переизбытка силы штырит, как от спиртяги.

– Спиртного, – поправил его мастер, – но в целом ты прав. Есть еще лихорадка и другие сложности в освоении дара. Так что у стихийников много времени тратится на медитации.

– Хорошо, что я не стихийник, – задумчиво произнес Вес-

нушка. – Ну ее... дармовую силу, если ее контролировать всю жизнь надо. То ли дело у нас... Знай себе резерв развивай, источник прокачивай, мыслеформулы запоминай.

И пацаны одобрительно загалдели.

Оля сидела, кусая губы. Внутри горело от протеста. Хотелось встать и высказать все, что она думает об этих идиотах. Контроль им не нравится? А мыть полы руками нравится? Беречь силу, тратить по капле, получать откаты? Хотя... и правильно, что они не стихийники. Огонь бы таких не принял, ведь он любит сильных, а не ленивых трусов.

И наверное, она не сдержалась бы, но тут ее вызвали к мастеру Хе.

– Ты помнишь, что за каждое применение стихии будешь наказана? – мастер Хе раздраженно потер серьгу в ухе. Так-то, конечно, самый верный способ переучивания – боль. Накрепко и навечно вбивает в мозг, что можно делать, а что нельзя. С пацаном он не стал бы церемониться, но девчонка... Придется действовать осторожнее, дабы не сломать. Еще и силу дара не определить – стихии сбивали любые показатели. Вдобавок после вчерашнего непонятного всплеска его мучило дурное предчувствие, а своим предчувствиям Хе привык доверять. И он в десятый раз проклял решение директора взять на обучение стихийника. Точнее полу-стихийника. Еще одна загадка. Сам мастер не мог представить, чтобы кто-то из его мира добровольно связался с дикарем.

Еще и дитя от него зачал. Был, правда, один нехороший вариант, но о нем мужчина предпочитал не думать, ибо опыты на детях не одобрял. Однако память девчонке зачем-то спу-тали, и там явно ведьминский след читался.

– Правила просты: одно призвание – один вымытый тобою этаж.

Оля содрогнулась. Целый этаж? Кажется, она в жизни столько не убирала. Неужели правда была принцессой? Нет, скорее всего у нее просто семья из знатных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.